Сатир и Муза

Автор:
Андрей Афантов

Сатир и Муза

Андрей Афантов

На своем пути каждый хочет встретить любовь. Такую, как в "Гранатовом браслете" Куприна, – "настоящую, верную, вечную". И, конечно же, единственную. Но не каждому счастливчику это удается. И те, кто в результате обретают ее, нередко проходят через испытания – ревность, разлуку, сомнения. Однако счастье любить и быть любимым всегда того стоит! В этом может убедиться каждый, кто прочитает эротическую повесть Андрея Афантова "Сатир и муза". Это повесть о настоящей любви. О тождестве "Ольга + Алексей=...". Произведение это резко выделяется из современной "любовной" литературы. Легкий язык, удачные речевые обороты, совершенно не банальный сюжет делают ее захватывающей с первых страниц. На протяжении всей книги мы наблюдаем развитие отношений Ольги и Алексея, которые, оставив своих бывших жену и мужа, нашли счастье друг в друге. Повесть развивается по законам жизни, которую каждый видит по-своему. Благодаря лояльной авторской позиции...

Содержит нецензурную брань.

Андрей Афантов

Сатир и Муза

Вступление

2008 год, 20 октября, понедельник, утро.

Светало. Укутанный кулёчком Димка вёл маму за руку в детский сад и молчал. Ольга терпеливо подстраивалась под его скорость. Малыш ходил в сад второй год и уже не плакал, оставаясь в группе. Тем не менее несколько мамашек с детишками на руках, явно помладше, обогнали их. Будущие герои ревели в полный голос, заводя друг друга. «Странно, почему мальчишки такие плаксивые?» – Ольга скользнула глазами по рекламе электроэпиляции на воротах садика и посмотрела на Димку. Тот на плач малышей внимания не обращал и деловито вышагивал, думая о чём-то своём. Ольга облегчённо вздохнула: «Растёт-таки парень!»

Надеяться, что Димочка научится сам раздеваться, оснований пока не было. Он покорно сидел на лавочке, и Ольга уверенными движениями снимала с него одежду. «Вот когда-то я так переодевала кукол, а теперь у меня живой ребёночек. Детские навыки пригодились», – усмехнулась она и глубоко втянула в себя характерный запах шкафчиков. Шкафчики пахли по-детски одинаково из поколения в поколение. Ольга поцеловала сына в лобик, поглядела, как тот помчался к мальчишкам хвастаться принесённой машинкой.

В коридоре её окутал ещё один запах из детства – подгорелой каши. Ольга прижалась к стене, когда младшая группа, возглавляемая миниатюрной воспитательницей студенческого вида, вышла на завтрак. Охранник запер входную дверь, чтобы никого не простудить, и уже успокоившиеся малыши глазели на чужую тётю, пропускавшую их. Они так трогательно цеплялись друг за дружку маленькими ручонками, что внутри у Ольги потеплело: «Я опять хочу лялечку», – удивилась она сама себе…

2003 год, 20 апреля, воскресенье, утро.

Сон был цветным.

Её лицо появилось над машиной. Она улыбнулась. По-настоящему. Глазами.

Звонарёв испугался, что нарушает какие-то дурацкие правила, и бросился убегать от этого сияющего счастьем лица… И вдруг эсэмэска: «Подойди».

Алексея охватил восторг… И!..

– Топ-топ-топ-топ, – шажки маленьких босых пяточек вырвали Алексея из сна. Ещё не размыкая век, он ощутил, что спальня наполнилась тёплым утренним светом. Капелька поначалу отправилась к матери, но та просыпаться не пожелала, а, уткнувшись носом в плечо Алексея, засопела дальше, продлевая «материнские каникулы».

«Утренний секс накрылся», – констатировал Алексей, но эта мысль не вызвала у него неудовольствия. Капелька остановилась около его стороны кровати. Папа глаза открывать не стал, желая продлить интригу: «Что же ребёнок будет делать дальше?» Капелька нашлась быстро. Через пару секунд маленький пальчик коснулся его век – дочка ковыряла папе глазки, требуя пробуждения. Алексей открыл глаза и улыбнулся. Маленькая девочка стояла на полу босиком и преданно смотрела сияющими глазами. В зубах она держала за уши плюшевого зайца. Увидев, что папа проснулся, Капелька тут же сунула ему в губы игрушку: «Целуй!» Чмокнув зайца в пропахший перекисшим кефиром нос, Алёша прошептал:

– Замёрзла? Залезай ко мне.

Дочка с готовностью забилась под одеяло, пристроилась к свободному плечу. Замерла. И тут же, подобрав коленки, прижалась ледяными пяточками к Алёшиному голому бедру. «Интересно, в каком возрасте у женщин просыпается рефлекс греть ножки об мужа? – подумал Алексей. – Это так здорово – дремать между греющимися об тебя любимыми девочками. Лучшая компенсация за недостаток секса, за редкие встречи с семьёй. И не надо никаких слов».

А нехватка слов стала последней семейной проблемой. Работая далеко от дома, в Москве, Алексей всё реже писал эсэмэски Светлане, всё реже звонил, а приезжая в родной город на выходные, всё чаще обнаруживал, что поговорить с женой собственно не о чем. Света видела проблему, капризно требовала: «Поговори со мной», обижалась: «Ты что? Просто потрахаться приезжаешь?» А когда он искренне пытался ей рассказывать о своей жизни в столице, о проблемах на работе, выяснялось, что жене всё-таки скучно слушать эти нудные рассказы. Точно так же, как ему тоскливо было слушать про то, сколько раз она ходила в гастроном на этой неделе. Или про то, чем сейчас занимаются его школьные друзья-лоботрясы, даже не сумевшие покинуть район, в котором родились. Видимо, супруге хотелось, чтобы он говорил о ней, но за четыре года

совместной жизни чувства утратили былую яркость. «Эх, говорили мне, нельзя уезжать… Не бывает крепкой семья, когда муж живёт за несколько сот километров и приезжает к себе домой только на выходные, как в гости. Не слушал».

Алексей вспомнил вчерашнюю безобразную сцену во время вечернего застолья с друзьями, и ему стало тошно. Одноклассники регулярно собирались большой компанией, нередко с семьями, чтобы поиграть в футбол, и, набегавшись, разгоряченными хлестали пиво у костра. Алексей и раньше замечал, что Светлана любила разыгрывать перед подругами роль забытой мужем жены, и обычно относился к таким фокусам с иронией, но вчера… Неспособность «стукнуть кулаком по столу», одёрнуть перепившую супругу, хотя бы в сторонке, парой резких фраз, привитая с детства интеллигентная деликатность, собственная мягкость – всё это бесило Алёшу. Так хотелось перестать казаться мямлей! И стать в домашней жизни тем, кем он был на работе – стремительным вихрем. Воспоминания снова больно кольнули его. Алексей всё же взял себя в руки и усилием воли отогнал их: «В конце концов, только что во сне я готов был изменить жене». И следом принял решение: «Ноги моей больше там не будет», имея в виду компанию школьных друзей. Товарищам по футбольной команде, конечно, будет не хватать его. И по волейбольной. Всё-таки рост под метр девяносто и остальные спортивные данные совсем даже ничего. Но перебьются. Лучше с Лизой в «и-го-го» играть».

Что-то новое появилось в его неприятных мыслях о жене. Сосредоточившись, он понял, что впервые стал равнодушен к семейным проблемам. Ему больше не хотелось восстанавливать тёплые отношения со Светланой, «заклеивать трещины», обижаться, мириться. «Надоело. Пусть будет то, что будет. Пусть Светка сама спасает брак. Интересно, причина во мне? Или в ней?» И сам себе ответил: «Видимо, в Ней», – и Алексей вспомнил свой сон.

Капельке надоело притворяться спящей, и она принялась играть зайцем, тиская его обеими ручонками.

Вообще-то дочку зовут Елизавета. Забавное прозвище Капелька появилось ещё до её рождения, когда молодые супруги с умилительным восторгом переживали беременность вместе. «Как там наша капелька поживает?» – обычно восклицал Алексей, влетая с работы домой, чтобы прижаться щекой к круглеющему Светиному животику. А когда УЗИ пообещало девочку, прозвище окончательно стало домашним именем. Воспоминания о тех замечательных временах согрели

душу Алексея. «А потом меня пригласили поработать в столице…»

Он шёпотом поторопил дочку встать, неслышно надел домашние штаны и выскользнул на кухню. Там Алексей заглянул в холодильник, обнаружил приготовленную ему на неделю еду, заранее заботливо упакованную в пластиковые контейнеры, не удержался, вскрыл один, укусил котлету. Тёплые чувства к спящей Светлане захлестнули его. «Котлетки – супер!» Он представил, как жена старалась ради него – и замурлыкал. А ещё через полчаса Алексей кормил Капельку собственноручно приготовленной кашей и восхищался сам собой от осознания, что комочков совсем не было, и что дочка поедала его творение с удовольствием. Кухня была наполнена весенним солнцем, его лучи скользили по блестящему полу. Взгляд цеплялся за разбросанные ребёнком фломастеры, куклы и крошки вечерних баранок. Алексей обрадовался этому легкомысленному детскому беспорядку, и его настроение окончательно улучшилось. После завтрака он ещё пару часов рисовал Капельке море и облака, потом сооружал из кубиков кроватку для зайца. Кроватка не получалась. А когда в дверь коротко позвонили, понял, что пора собираться.

Светлана продолжала спать. «Вправду спит? Или не хочет вставать?» – Алексей предался сомнениям, отпирая дверь. На пороге стоял отец в костюме и с пластиковым ведёрком в руке.

– Привет! Вчера в песочнице оставили. Иду, смотрю, вроде наше ведёрко? – сказал он, посмотрев на сына снизу, поверх очков с толстыми стеклами.

– Привет! – удивился Алексей. – Ты чего это в костюм вырядился? В песочнице играть?

– А куда мне его теперь надевать? – с горечью заметил отец.

– Смешной ты, – Алексею не хотелось поддерживать любимую отцом ноющую тему.

Тому пришлось рано выйти на пенсию, хотя зарплата на его последней работе и так была символической. Теперь отец, как и всё его поколение, маялся от ощущения собственной ненужности. Первую половину жизни им, родившимся после войны, помогали родители, теперь, когда Союз развалился, их поддерживают дети. Вот при каждом удобном случае отец лез помогать

невестке хотя бы с ребёнком, оттирая от этой радостной обязанности свекровь. Мыл посуду, роняя тарелки. Пыхтя, носил тяжёлые сетки вопреки запрету врачей… И вот сейчас они с внучкой шли гулять.

– Лизка готова? – та выскочила из зала и бросилась ему на шею, когда Сергей Николаевич с готовностью присел широким животом ей навстречу.

– Дидя!!! – закричала Капелька.

Закрывая за ними входную дверь, Алексей ощутил, что снова впустил в дом досаду. Досаду на жену.

«Ладно. Пора закругляться». Бреясь в ванной, разглядывал себя в зеркало. «Двухметровый блондин с голубыми глазами», – мысленно процитировал он свою мать. Двух метров в нём, конечно, не было, не было даже метра девяносто, но девушкам он определённо нравился, а мама имела в виду именно это. «Хотя уже не первой молодости, ямочки на щеках стали вытягиваться, превращаясь в собачьи складки». Алексей тщательно выбрил ямочку на подбородке. Та с возрастом почему-то никуда не девалась, иногда её не удавалось выбрить тщательно, а забытая небрежная колючка раздражала его самого. «Шея стала толще, и больше не напоминает коровий хвост, – Алексей заметил, что теперь цитирует своего отца. – Где же Светка?» – чувство досады сменилось обидой, он покосился на дверь ванной.

«Толстый, сегодня не твой день!» – грустно произнёс Алёша, заглянув себе в трусы. Такое забавное прозвище его хозяйству придумала жена ещё на заре знакомства, и с тех пор, в зависимости от настроения, играла словами: «толстенький», «толстяк», «толстячок». Бритва жужжала, дверь по-прежнему отгораживала Алексея от спящей квартиры.

Вдруг, рывком распахнув её, внутрь шагнула Светлана. Скользнув на колени на пол, она подняла на мужа заспанные глаза-щёлочки, сдёрнула с него штаны вместе с трусами и поймала «толстого» губами. Алёша чуть не выронил бритву, но сумел выключить её и бросить в раковину. Его нижнее «я» быстрее оправилось от неожиданности, уступая напору жены. Спустя несколько секунд Света слегка подалась назад, потому что лопающийся от вожделения «толстяк» перестал помещаться во рту, движения языка стали менее тонкими; Алексей, обняв голову жены обеими руками под ушками, принялся подыгрывать ей, тазом

двигаясь навстречу ласкам. Головка Светы покоилась в его огромных ладонях. Кончики пальцев тонули в густых чёрных волосах, собранных хвостиком на затылке, он в то же время чувствовал нежность и ушных мочек, и щёк, которые ритмично двигались, когда он проникал особенно глубоко. Света передала мужу свою неистовость, Алексей захотел потянуть прямо за этот хвостик вверх, отрывая от себя прекрасные губы, опрокинуть Светлану животом на стиральную машину, войти сзади одним резким пронзительным рывком, ощутить, как её тело уступает теперь уже его страсти. Он тут же поддался своему желанию, схватив жену за хвостик, но… ничего не получилось. Света не захотела выпустить «толстого» изо рта. Наоборот, она ещё сильнее обхватила его губами – он уступил ей, смирился, отступил назад. Опустил руки ей на плечи. Ощутил гладкую кожу. Увидел напряжённую тонкую верхнюю губу Светланы. Возбуждение вырвалось первым жарким сгустком, упавшим вглубь Светиного рта и ещё… ещё… ещё…

Алёша покачнулся, прижал вставшую Свету лбом к своей груди, стараясь удержать равновесие от такого потрясающего оргазма, обнял обеими руками…

«Счастье…» Он поцеловал её влажные губы, их глаза зеркально сияли от восторга друг другом. Света больше не выглядела заспанной, и Алексей совсем было забыл вчерашнюю горечь.

– Надел моих мишек? – с улыбкой Света разглядела на нём любимые трусы с жёлтыми забавными медвежатами, игравшими в разных позах по всей площади Алёшиных «боксёров». (Когда-то она их сшила для Алексея, и с тех пор он связывал с ними самые значительные успехи на работе – это были своего рода «счастливые трусы».) И прижалась к нему ещё крепче, теперь с какой-то благодарностью за то, что он увозит с собой их общий символ интимности. Алексей засмущался.

– Ты уже собираешься? – спросила Света.

– Да, а то потом дачники запрут шоссе – в Москву не въедешь, весной и летом всегда так, – начал оправдываться Алексей, но жена только вздохнула и вдруг сказала:

– Прости меня, пожалуйста… За вчерашнее… Ладно?

– Проехали! – Алексей легко засмеялся и снова поцеловал Светлану в губы, так страстно, что у неё перехватило дыхание. – Люблю тебя!

– Всё у нас будет хорошо! – она жизнеутверждающе процитировала рекламный ролик, стоя в прихожей, глядя, как Алексей обувается.

Сердце ликовало. «Вот нашла же она нужную струнку! А?!» – мысленно восхищался Алексей женой, направляясь к дочке и отцу, чтобы попрощаться.

– Пока, Лиза! – он крепко обнял ребёнка, пожал руку отцу.

Вспоминая, как двигалась головка жены, Звонарёв обнаружил, что заразился её ритмом, и, вырвавшись на шоссе, врубил круиз-контроль на 120 км/ч, стараясь реже касаться ногой тормоза.

Глава 1

2008 год, 20 октября, понедельник, утро.

Звонарёв приснился себе маленьким. Он шёл следом за своим давным-давно умершим дедом, смотрел на пояс его серого плаща и ждал, когда дедушка обернётся. Дедушка обернулся, заулыбался своей детской простой улыбкой, хотел что-то сказать – и… Лёша понял, что проснулся. По крыше барабанил дождь, было уже светло, и вставать не хотелось. Он шевельнул тяжёлой спиной, и боль вернулась. «Уже часов восемь. О чём бы ещё подумать хорошем? Может, о Капельке? Нет, не о ней». Звонарёв, как вчера, вспомнил тот далёкий день. «Ведь именно тогда и начались перемены во мне».

2003 год, 21 апреля, понедельник, утро.

Какие-то непривычные резкие звуки вырвали Алексея из глубины сна. Стоявшая перед глазами всю ночь череда задних бамперов и остающихся справа фур прервалась. Рывком, не просыпаясь, он метнулся к окну. Машина виднелась на месте в полном порядке. Белая корявая надпись на асфальте «Юленька, я тебя

люблю…» по-прежнему не показывала своего окончания, теряясь под густо припаркованными машинами. На незанятом ими тротуаре дрались дворники. Не то таджики, не то узбеки. Один, маленького роста, худосочный, что-то пронзительно вопил на незнакомом языке, наскакивая на второго. Маленький наносил быстрые, но несильные удары. Второй дворник, бугай на голову выше противника, дрался молча, набычив лоб, – его удары были редкими, но очень сильными: попадая по туловищу, он отбрасывал маленького сразу на несколько шагов. Причиной борьбы был аудио-плеер, провода которого болтались из-за пазухи высокого. Полюбовавшись этим спарингом минуту, пока дворники не уронили плеер на асфальт, Звонарёв вдруг понял, что будильник почему-то не прозвонил, что на утреннее важное совещание он опаздывает и позавтракать не получится.

«Вперёд! Вперёд!» – сам себе пел Алёша, обегая кучки собачьих какашек, живописно размазанные по дорожке ногами неудачливых прохожих, обычно – школьников. Москвичи традиционно ленились лезть зимой в сугробы выгуливать своих четвероногих питомцев. А весной и осенью газоны были слишком сырыми. Вот собаки и делали все свои дела прямо на асфальте. Дворники убирать обновлявшиеся кучки не успевали. «Тем более сегодня!» – подумал Звонарёв, вспомнив драку. «Неужели посадка в машину станет самым скоростным эпизодом за утро?» Настроение стало угасать, едва он увидел очередь на маршрутку. От очереди веяло какой-то угрюмой безнадёжностью. Стылые взгляды, с надеждой устремлённые в конец улицы. Стайка девушек, зябко перебиравших длинными ногами, вызывала тоску…

Несколько ночевавших у бордюра фур вынудили всех выбиравшихся из Новокосино сбиться на одну-единственную полосу. «С каждым годом их становится всё больше!» На кругу у универсама поток расширился, перед заправкой – ещё больше. Чья-то задница уставилась на Алексея из окна маршрутки, стоявшей слева. «Как в анекдоте[1 - «Что означает задница в окне? – в маршрутке нет мест!» (анекдот).]… Семь минут до поворота с Городецкой на Носовихинское шоссе».

«Хотя… в чём-то Светка права», – согласился Звонарёв, снова вспомнив её позавчерашнее «выступление». Дело в том, что несколько месяцев назад Лёха облажался. Его переезд в Москву оказался успешным… неожиданно для родственников. Очутившись в банке, в дилинге, он очень удачно угадал период «медвежьей»[2 - «Медвежья» игра – игра на понижение курса акций, «бычья» – наоборот, на повышение.] игры на рынке акций и заработал кучу денег на

фьючерсах. Плюс, во время ухода старой команды проявился его организаторский талант. Бизнес банка, построенный на многолетнем облизывании контрагентов, не остановился, и хозяин, благодарный Звонарёву за такую обязательность, повысил его сначала до символического начальника отдела, а потом сразу до начальника управления. Банк не был большим, и должности звучали неадекватно громко, но фронт работ был ответственным, и подчинённых было несколько человек. Алексею пришлось отвечать за работу сразу нескольких «дэсков»[3 - Desk – стол, направление, участок работы (банк, сленг).]. Больше времени стало уходить на внутрибанковские бюрократические разборки, а торговлей стали заниматься другие. Чтобы не терять чувство рынка, Звонарёв попробовал играть на форексе[4 - Форекс – forex (англ. сокр.) – международный валютный рынок.] (хозяин скорчил недовольную рожу – у банка был только негативный опыт таких игр), и снова успешно. Тогда Алексею удалось построить торговую технику, позволявшую ловить всплески волатильности[5 - Волатильность – изменчивость, признак, характеризующий подвижность какого-либо рыночного актива.] евро, и торговля стала приносить небольшой, но стабильный доход. При этом не нужно было бдеть над компьютерным экраном часами, гипнотизируя красно-зеленые стрелочки, прыгающие то вниз, то вверх. Торговля была краткосрочной, и тридцати минут обычно хватало, чтобы уйти с прибылью или сыграть «в ноль».

Зарплата Звонарёва уходила на аренду квартиры в Новокосино, содержание семьи в К., помощь родителям. А вот весь бонус, который ежеквартально выплачивался «в конверте», он откладывал на квартиру в Москве. Единственное, что он себе позволил, – это восьмилетняя «эмэлька», тёмного цвета «паркетник» – Mercedes ML-320. На Родине в К. машина смотрелась весьма и весьма солидно, но в Москве терялась на фоне более дорогих иномарок.

Девушка на зелёном «Москвиче» не успела пересечь перекрёсток и перегородила выезд на Носови-хинское шоссе. Народ в машинах вокруг запсиховал, начал ругаться, сигналить. Кто-то лез за её задний бампер, кто-то – под передний. Давление многочисленных взглядов тяжело сочилось сквозь скошенные лобовые стекла на девушку. Та беззвучно оправдывалась, вертя головой во все стороны. Ей было неуютно от этих злых чужих взглядов. Наконец, так же беззвучно, она простила сама себе этот конфуз и успокоилась. Девушка с тонкими прямыми чёрными волосами. «Как у Светы. Симпатичная», – Алексею стало её жалко на этой грубой дороге. «Ну что ж, буду поднимать себе настроение, разглядывая девушек в машинах вокруг», – решил он.

Наконец-то шоссе тронулось – и перекрёсток освободился.

Девять полупустых автобусов толпились в очереди за пассажирами на остановке «Улица Южная». Ряд изгаженных позавчерашним дождём машин несколькими потоками упёрся в эту нудную остановку. Надпись на одном из фургонов, нацарапанная нетвёрдой рукой по грязи, гласила: «НЕСПИШЫ». «Засада какая-то. До следующего светофора ещё минут пятнадцать… С такими темпами придётся пересаживаться на метро», – мысли Алексея становились всё более рваными и нервными. Впереди шёл пассажирский «уазик-буханка», наполненный гастарбайтерами. Из открытой форточки на дорогу вывалилась пустая пластиковая бутылка.

Сосчитав первые бонусы, они со Светланой решили, что стоит замахнуться сразу на «двушку». А оценив успешность своей форексной торговли, Звонарёв открыл себе маржинальный счёт в «Альфе»[6 - Маржинальный счет – счет, позволяющий торговать с «с плечом», т. е. использовать кредит, предоставляемый брокером. Здесь – «Альфа-банком».] и начал покупать «Из рук в руки», приценяясь к недвижимости. Принцип «никогда не считать выигрыш, пока деньги на столе» жестоко наказал его. Три «стоп-лосса»[7 - Стоп-лосс – приказ брокеру закрыть позицию при достижении некой цены с целью остановить убытки.] подряд вывели Алексея из равновесия, он начал нарушать собственные торговые правила и даже забросил свои рабочие обязанности. Правда – ненадолго. В один прекрасный день он ушёл на самый дорогой обед в своей жизни, а когда вернулся – квартиры в планах уже не было. Ни двухкомнатной, ни однокомнатной – никакой. Сам он впал в жутчайшую депрессию, похудев за пару недель на несколько килограммов. Понял, что своим жутким настроением он портит атмосферу в коллективе, взял три дня «за свой счёт» и провалялся весь отпуск на холодном полу, лицом вниз. Пить не хотелось, разговаривать не хотелось, никого видеть не хотелось, но долго жалеть себя тоже не хотелось. Слушал МКАД. Он понимал, что оказался в положении фанатиков, регулярно спускавших все деньги в залах игровых автоматов, и презрение к ним, как и к себе, не давало опуститься ещё ниже.

Первое ДТП стало видно у поворота на Реутов. К удаче въезжающих в Москву – на встречке. Замызганные обесцвеченные «Жигули», видимо, 1967 года выпуска. Водитель решил, что ему хватит одного ряда, чтобы развернуться через двойную сплошную. «Ага!» Грузовик, ползущий к Москве во втором ряду, встретил ВАЗ левым бортом и затолкал назад в его ряд. Минус ещё две машины,

мирно ждавшие своей «зелёной стрелки». Пробка в обе стороны. Свободен только крайний правый ряд.

Звонарёв словно почувствовал, как город давится потоком машин, втискивающихся в Москву со всех сторон. Почувствовал, как ненависть к несчастным водителям объединяет все улицы, и старинные и современные, одинаково не рассчитанные на горожан.

«Буханка» всё ещё ползла впереди: перед постом ГАИ оттуда вывалилась пивная банка и тут же следом – пакет, явно с мусором. «Они тоже ненавидят этот город», подумал Звонарёв, объезжая пакет, пытаясь подавить в себе раздражение хамством попутчиков, дорогой и Москвой. «Интересно, что меня раздражает сильнее: московские пробки или свинство этих хачиков?» – Звонарёв задумался, но ответа на это вопрос так и не нашёл. Он вспомнил, почему Москвы боялась Светлана. Количество машин на дорогах просто шокировало её, хотя, на взгляд более опытного Алексея, в тот день, когда она посетила его в столице, движение было средним. Но последней каплей стал эпизод, когда на глазах у Светланы роскошный «Порше-кайен» воткнулся в задницу не менее роскошному «Лексусу», причём оба в этот момент совершали обгон по встречке.

Традиционной пробки на Кетчерской сегодня не было. Средняя скорость движения достигла семи километров в час. «Ой ли?» – Звонарёв услышал справа гневное «биби». Девушка на чёрном «Авео» пыталась перестроиться из правого ряда в левый.

Притормозила, ожидая, что её пропустят, при этом правый ряд встал. Звонарёв деликатно остановился. В ответ девушка заглохла между рядами. Кореянка.

«Ну что ты будешь делать?» Новогиреевская эстакада. Маршрутка, моргая правым «поворотником», перестроилась влево. В его ряд. Звонарёв, привычный к стилю езды водителей маршруток, угадал этот манёвр. На заднем сидении молоденькая девушка, блондинка, задумчиво уставилась ему прямо в лицо, не видя Алексея. Тот принял игру. Видел её в первый и в последний раз в жизни, поэтому бесцеремонно разглядывал девушку, любовался. Карнавальная безнаказанность. Красивая. Она не выдержала первая и, напустив на лицо маску холодного безразличия, отвела взгляд.

У Светланы поначалу случилась истерика, но на выходные она примчалась в столицу утешать любимого. Они вместе поплакали, Звонарёв успокоился, Света вернулась к ребёнку. Хотя она и заявила: «Милый, ведь это всего лишь деньги», оптимизма в её голосе Звонарёв не заметил. Похоже, он «слетел с пьедестала»: через пару месяцев стало заметно, что жена считает его таким же обормотом, как и масса их общих знакомых – неудачников.

Светофор на пересечении Зелёного проспекта и Второй Владимирской загорелся зелёным. Затонированное такси стало поперёк потока, желая развернуться из правого ряда. На остальных ему плевать. Всем пришлось пропустить свой зелёный… Звонарёв попытался пролезть на Электродную. «Пролез. И зря. Мёртво».

И в тот момент в его жизнь вошла Она. Олечка.

Звонарёв обнаружил, что думает о ней с пафосом, и тут же решил приземлить свое воображение. «Да не было у тебя с ней ничего. И не будет. Только сны.

У каждого семья, у тебя дочь. Не парься!» Однажды она появилась на одной из утренних планёрок, её представил Пред, и она засмущалась, часто-часто моргая длинными ресницами. Звонарёв стал бороться с ощущением, что где-то раньше уже её видел. Или даже был знаком?! И, когда Алексей вернулся на рабочее место, натренированная в детской художественной школе память на лица всё-таки сработала. Где и когда.

За пару недель до того дня сильный мороз обрушился на Москву, внезапно сделав залитый жидкой грязью город чистым и обезлюдевшим. Машин стало меньше, потому что многие не завелись, и Звонарёв запомнил тот день потому, что впервые в жизни ему удалось припарковаться прямо у входа в банк. Застигнутые жгучим морозом, снежинки не таяли, когда порывы ветра сметали их с крыш, и весело искрились на солнце. Словно дразнили своей мельтешащей игрой мрачные громады офисных зданий, закопчённых выхлопными газами по четвёртый этаж. Вечером Звонарёв мчался из подъезда к машине, боясь впустить в грудь обжигающий холод. Быстрее, быстрее, включить сразу на максимальную температуру и кондиционер, и обогрев сидений – и только потом

задышать, кутаясь в дублёнку, шапку и рукавицы. Но даже в ночном тёмном небе сдуваемые снежинки продолжали искриться и заворожили Алексея. Магия. Он задержался дольше положенного, всё же захлебнулся от стужи – и только потом сел в машину. Зная, что на ходу «эмэлька» прогреется быстрее, скользнул в поток. Роскошный тёмнозелёный «Мерседес» поравнялся слева с Алексеем. И среди клубов белого пара, извергаемых на мороз трубами глушителей многочисленных автомобилей, он увидел на пассажирском сидении, чуть ли не в метре от себя, женщину с обнажёнными плечами. Ей было тепло. Она даже не повернула головы в его сторону, «мерс» продвинулся дальше, унося незнакомку с изящным профилем и пухлыми губками в «прекрасное далёко». Но воспоминание у Алексея сохранилось. Сила контраста: стужа в груди, пар отовсюду, игра снежинок и её голые плечи – всё покрытое белым светом фонарей и офисных окон.

«Девочка симпатичная, но коленки толстоваты», – заключил Звонарёв после представления на планёрке и выбросил её из головы.

Потом, сойдясь по работе, он напомнил ей этот эпизод, и они оба смеялись над его первыми впечатлениями о ней. «Мерс» был её знакомого, который по пути на вечеринку согласился показать ей окрестности будущей работы, изучить подъезды, «кирпичи» и потенциальные парковки. О знакомом Звонарёв деликатно расспрашивать не стал.

Впереди справа сквозь боковое стекло «Акцента» Звонарёв увидел, как точёная женская ручка эротично сжимает руль. Интригует! Пока поток неподвижен, полюбовался наманикюренными пальчиками. Продвинулись на метр – Лёша прижался к бамперу идущего впереди «Ниссана». «Фуу!» Хозяйка очаровательных ручек оказалась ужасна. Заплывшие щёки, выпяченная вперёд верхняя челюсть. «Ой!» Звонарёв отвернулся. «Чем же ещё заняться?» Посмотрел в заднее зеркальце. На передних сидениях – пара. Он – угрюмо вцепился в руль, на лице – отчаянное желание отвернуться от попутчицы. Та что-то выговаривала ему, глядя прямо перед собой. Что именно, догадаться, конечно, невозможно. Но вот она повернулась к мужу и принялась выковыривать из его уха, видимо, засохший крем от бритья. Примиряющий жест собственности. «Чем только люди в пробках не занимаются!» Взгляд Алексея упал на буковки номера впереди идущей машины: к***ов. «Хм».

Карпова Ольга Викторовна. «Новая метла». Первый месяц она играла простушку, такая наивная дурочка с переулочка, способная удивлять коллектив новыми причёсками каждую неделю, и только. Но в её несерьёзности просматривалось обыкновенное нежелание работать. А потом у неё состоялась длинная беседа с владельцем банка Кирюхиным и председателем правления Романенко. Кирюхин происходил из «малиновых пиджаков», хрестоматийных «новых русских». «Поднявшись» в начале 90-х годов на волне шальных денег, основная масса героев бесчисленных анекдотов по-быстренькому растеряла все свои активы. Приобретя банк, Кирюхин проявил незаурядную способность учить-с я, он понимал, что ему не хватает умения управлять этим усложнявшимся с каждым годом бизнесом. Тем более что у него за спиной не было нефтяных скважин и прочих сладких мест, способных поддерживать штаны русским олигархам даже во время самых серьёзных «залётов». Цену возможной ошибки Кирюхин предвидел со всей ясностью. Но он хорошо разбирался в людях и делал ставку на молодых профессионалов, голодных до карьеры и денег. Выявляя в сотрудниках таланты, он охотно давал им карт-бланш, щедро вознаграждая их за дополнительную ответственность. Так было с Алексеем, так было и с Карповой. Будучи реалистом, Кирюхин понимал, что однажды ему придётся уйти, так как бесконечно наращивать требуемую ЦБ[8 - ЦБ – Центральный банк.] капитализацию он не имел никакой возможности. Хотя тема продажи банка никем никогда не обсуждалась, фактически Карповой предстояло начать его предпродажную подготовку. К концу квартала выяснилось, что Ольге удалось консолидировать оба баланса – и белый и чёрный – чего в банке отродясь не было. Впервые стала возможна эффективная аналитика, и негативная динамика «проедания» клиентских денег напугала хозяина. Но должность начальника службы внутреннего контроля прошла мимо Ольги – теперь ей предстояло навести порядок в бизнес-планировании. Здесь оказалось сложнее: с точки зрения процедур и формальностей она всё отрегулировала, но у банка отсутствовала внятная стратегия развития. У Кирюхина регулярно случались заскоки, в том числе и на тему будущего. То ему вдруг хотелось создавать филиальную сеть, и на двух разномастных региональных филиалах это увлечение заканчивалось. То на него нападал «бзик» экономии, и он долго и скрупулёзно торговался на собеседованиях с будущими уборщицами, пытаясь отстоять оклад пониже. Маленький, круглый, с рыжими курчавыми волосками на пухлых ручках, он стремительно появлялся в самых разных местах банка, удерживая подчинённых «в тонусе». Романенко был наёмным служащим, в банке появился недавно и был осторожен, в нём Кирюхин выращивал CEO[9 - CEO (англ.) – глава исполнительного органа.] в западном понимании этой аббревиатуры.

Звонарёв регулярно общался с Карповой по е-мэйлу, встречался на совещаниях и планёрках. Их обоих отличали конкретность суждений и конструктивность инициатив. Ольга ему нравилось тем, что с ней можно решить любой вопрос без бабской суетливости и личных намёков. Она в нём ценила обязательность и бесстрашие. В самом деле, Звонарёв относился к тем немногим в банке людям, которые не боялись спорить (и даже шутить) с боссами на любые темы. Он рано ощутил себя курицей, несущей золотые яйца, которую не так-то просто «зарезать» Дальше официальных отношения Алексея и Ольги не шли. Алексею нередко строили глазки незамужние симпатяшки из бэк-офиса[10 - Back-office (англ.) – отдел оформления сделок, в противовес фронт-офису, где эти сделки заключаются, обычно отличается от бухгалтерии, которая отражает сделки проводками в балансе.], но репутация верного мужа его полностью устраивала.

Причина затора стала понятна. Гаишная машина перегородила Электродную, направляя весь поток из-под «кирпича» направо, в сторону Плеханова. Здесь нужно перебраться в правый ряд – тот обычно двигался быстрее. «Хотя всё это – иллюзия». В машине справа появилась новая толстушка, теперь очаровательная. Смешно размахивая обеими руками, она увлечённо разговаривала. «Сама с собой?» Блютус не был виден.

В то утро после пережитого личного краха, оставшегося неизвестным для всех коллег, он появился на работе «тенью отца Гамлета». Разобрав ящик от накопившихся электронных писем, он собрался было утешиться текучкой, как вдруг получил е-мэйл от Ольги:

«ты прости… но больно смотреть у тебя умер любимый кролик? хчшь персик? еще немного и я лопну помоги»[11 - Здесь и далее вся переписка выделяется курсивом с сохранением правописания оригиналов.].

Звонарёв также вдруг взял и ответил: «ХОЧУ!»

Вот и начали они сближаться, неспешно набирая скорость, как два тяжёлых локомотива. В неслужебном общении Ольга оказалась хохотушкой, чрезвычайно лёгкой в своей задиристости. Её фантастическая работоспособность, напрягавшая подчинённых, имела продолжение и за пределами офиса. Оля почему-то избегала шумных официальных мероприятий, но среди своих

бесчисленных друзей легко становилась душой компании. Она была мудрой утешающей подругой для женщин, а ко всем мужчинам обращалась, как бы щёлкая их по носу, стимулируя их брутальность. «Кто тут из нас мужчина?» – лукаво спрашивала она, подталкивая собеседника к нужному ей подвигу, и почти всегда окрылённая жертва коварства мчалась в указанном направлении. Оле хватало четырёх часов сна в сутки. Ей ничего не стоило запрыгнуть после рабочей недели в машину, «пропилить к маме» несколько сот километров и так же стремительно вернуться обратно в Москву, чтобы с утра в понедельник улыбаться пухленькими губками, сиять глазками и расшевеливать болотистую мешанину невыспавшихся управлений и отделов. Ольга жила с мужем уже десять лет, из которых семь была замужем официально. Её возраст приближался к «тридцатнику», а далее предполагался декрет.

«И чего я в ней нашёл?» – сам себя спросил Звонарёв. Черты лица правильные и только. У Светы, например, тоньше. Губки пухлые – улыбаясь, Ольга стеснялась показывать зубы. Чуть выдающиеся скулы. Носик изящный, правильный. Ушки обычно не видны». Звонарёв попытался вспомнить причёску, но вспомнил только Олину коротенькую стрижку из своего сна. «Весь шарм в чём? В улыбке? В глазах? В мимике? Те рожицы, которые она строит, завлекают?» И сам себе ответил: «Видимо, да». Вспомнил её фигурку. За несколько месяцев знакомства Оля похудела. Видимо… По крайней мере, её коленки уже не казались Алёше толстенькими. Ручки точёные, при каждом удобном случае она стремилась приоткрыть их по плечи, шея тоненькая. «Ой-ой. Так и нафантазирую себе что-нибудь возбуждающее. Интересно, мой сон стал бы эротическим, не разбуди меня Капелька?»

Звонарёв посмотрел на часы: «Час сорок минут до светофора на перекрёстке Плеханова – шоссе Энтузиастов. Озвереть можно от такого трафика. Почему? Понятно. Гений в милицейской форме управляет светофором». Утренняя планёрка уже началась, но включать мобильник Алексею по-прежнему не хотелось. «Разве новость о том, что я безнадёжно опаздываю, что-то изменит на работе? Только нервы будут трепать». Слева в BMW – снова девушка. Симпатичная, короткая стрижка с мелированием («как у Олечки!»), солнечные очки на лбу. Полулежала за рулём, свободно раскинув ножки, мини-юбка задралась – она же, ничего не замечая, читала книгу. Ножки красивые. Коленки изящные. Встретился взглядом с пассажиром «газельки» через ряд, тот любовался тем же зрелищем. «Ну, куда нам с ним до водительницы BMW?»

И вот, наигравшись с бизнес-планированием, Карпова добралась до казначейства. Центробанк в последнее время принялся внедрять среди своих подопечных «Базельские рекомендации» по риск-менеджменту. Ольга окончила соответствующие курсы (Алексею пришлось последовать её примеру, чтобы уметь поддержать дискуссию) и приступила. Она не стала парить себе мозг кредитными рисками, труднопонимаемыми и как угодно вольно интерпретируемыми. Проще опробовать международные стандарты для портфеля ценных бумаг и открытой валютной позиции казначейства. Эти инструменты были более-менее ликвидны, и их рыночная цена легче просчитывалась[12 - Риск-менеджмент – система управления рисками, ликвидность – признак, характеризующий легкость, с которой актив может быть продан на рынке.]. И вот уже пару месяцев весь маленький коллектив Алексея с трепетным ужасом ждал оргвыводов.

Алексею же всё было пофиг. Он не верил, что такая замечательная, начавшая сниться Оленька способна ему напакостить по работе. Но объяснить собственное спокойствие своим людям он не мог. Отвечавшая за МБК[13 - МБК – межбанковский кредит (сокр.).] Наташка, будучи старше начальника лет на пять, деликатно молчала. Отвечавший за форекс Карен горячился, подстёгивая Алексея к борьбе. И, как замечал Алексей, он нередко говорил словами Натальи, то есть между собой они явно обсуждали проблемы. Чук и Гек – два совсем юных трейдера по ценным бумагам, которых совместная работа сделала настолько похожими, что никто не помнил их настоящих имён – увлечённо строили «пирамиду»[14 - «Пирамида» (финанс.) – здесь имеется в виду схема, когда вы покупаете долгосрочную ценную бумагу, закладываете её, например, банку-партнёру, который в обмен на бумагу предоставляет вам краткосрочное, более дешёвое финансирование. Финансирование меньше стоимости заложенной бумаги на размер дисконта. Это – «этаж». На полученные ресурсы можно купить ещё облигаций, снова заложить и снова получить краткосрочное финансирование за минусом дисконта. Ещё «этаж». Таких этажей может быть от трёх до десяти, в зависимости от вашей любви к риску. Изюминка схемы в том, что вы реально, отвлекая из своего оборота денежные средства размером с дисконт, зарабатываете разницу между доходностью и финансированием всего актива.] из векселей и облигаций и сгущавшихся над ними туч не замечали. Звонарёв мысленно полюбовался своей способностью выполнять любую работу в казначействе лучше и быстрее любого из своих подчинённых. Себе он выделил фронт работ между ними всеми, осуществлял сделки «репо»[15 - «Репо» – продажа ценной бумаги с обязательством обратного выкупа через установленный срок, где разница в цене между продажей и обратным выкупом составляет стоимость предоставляемого в обмен на бумагу финансирования.],

регулируя потоки ликвидности[16 - Здесь буквальный перевод с английского термина cash-flow.] между Наташкой и трейдерами, помогал Карену со «свопами»[17 - «Своп» – то же, что и «репо», только вместо ценной бумаги используется иностранная валюта.], следил за открытой валютной позицией. И снова пожалел, что не может быть дома таким же решительным. Вспомнив, как Карен сердился в пятницу, Звонарёв начал мысленно готовиться к совещанию, перебирая аргументы, которыми надеялся сдержать порыв Ольги Викторовны. «А чего теперь совещание? Оно небось уже началось. Кирюхин будет корчить из себя обиженного: мол, топ-менеджеры не только не поддерживают дисциплины в подчинённых, но и сами опаздывают. За три опоздания полагается штраф в сто долларов, хотя что мне эти сто долларов при таких-то доходах? А ведь взыщет», – Звонарёв с раздражением включил мобильник. Тот пропиликал эсэмэской «Вам звонили…». Глянул на номер – друг Игорёк. Перезвонил.

– Привет, звонил?

– Привет, не отвлекаю? – Игорь слышал шум дороги.

– Нет!

– Короче, с меня причитается – с первой зарплаты проставлюсь. Найдёшь время со мной выпить?

– Конечно, Ник-Ник тебя взял-таки?

– Да, на днях собеседовали. Возить буду, – Звонарёв понял, что речь шла об обязанностях инкассатора возить «чёрный нал» и что Игорь не хотел говорить об этом по телефону.

– Ну, я рад. Всё лучше, чем детский садик сторожить. В прошлый раз некогда было пообщаться, но ты так и не рассказал, за что тебя из органов выперли? – времени прошло достаточно, и Звонарёв уже не боялся задеть свежую рану в душе собеседника фамильярностью.

– Да всё получилось как в анекдоте. У нас же показатели раскрываемости, знаешь? В прошлом году отловили три самогонных аппарата, а в этом только два. План горит! Что делать? Решили собрать третий самостоятельно. Умельцы ещё те. Мозгов же нету. Собрали – решили испытать во дворе райотдела. А

агрегат взял и взорвался. Случился пожар, ЧП скрыть не смогли, в общем, я стал крайним. И смех и грех!

Оба друга долго ржали, прежде чем попрощаться. Когда-то они вместе поступали в один институт, но Игорёк не поступил.

Выбрался кое-как на шоссе Энтузиастов. Разглядев на идущих впереди «Жигулях» чёрные советские номера, Звонарёв привычным жестом отключил подачу наружного воздуха в салон. Угадывать едкий выхлоп древнего двигателя он уже наловчился. Очередная маршрутка остановилась в третьем ряду, чтобы высадить пассажиров. Те протискивались между автобусом и троллейбусом, стоящими во втором ряду, и терялись среди припаркованных у бордюра крайнего правого ряда легковушек. Перебрался в крайний левый ряд. До светофора на улице Буракова тот будет ползти быстрее.

Во встречной пробке две девушки на заднем сидении красной «Киа» с оторванным бампером разглядели Алексея и демонстративно принялись смотреть куда-то вверх над его крышей, а потом и показывать туда пальцами. Звонарёв повёлся, посмотрел в люк, но ничего, кроме проводов, не увидел. Девушки искренне захохотали, показывая пальцами теперь на него. «Развели!» – Звонарёв беззлобно улыбнулся им во все тридцать два зуба. Тронувшиеся навстречу друг другу пробки разлучили его с хохотушками. Алёша устал от тишины и включил радио.

«Конечно же, у неё есть повод избегать вечеринок!» – Звонарёв вспомнил, как банк снял для «корпоратива» клуб «Мираж» на Новом Арбате. Ольга была в брючках золотистого цвета и в не то маечке, не то кофточке, демонстрировавшей гладкий животик вокруг идеального пупка. Звонарёв избегал быстрых танцев, потому что двигаться совершенно не умел. Но разгорячённая Оля нимфой вытащила его за руку в центр зала – и, в бликах света, он послушно задёргал конечностями, стараясь не отводить глаз от её сияющего взгляда и опасаясь возможных комментариев коллег, отплясывавших рядом. Олины глаза в полутьме были как у ангела. Она так же, не отрываясь, смотрела на него, и толпа сближала их в танце. И иногда девушка касалась его, чаще всего – руками… Наконец, Звонарёв преодолел своё смущение, он буквально тонул в её глазах. Казалось, что её дыхание передалось ему,

захватило и гипнотизировало. Низ живота вдруг охватило томной тяжестью, и Лёша чётко понял, что хочет эту женщину. Быстрый ритм хаос-музыки сменился каким-то «медляком» 80-х годов, и Алёша просто схватил её за талию, прижав к своему животу. Этим движением он придал своему вожделению вертикальное положение, не мешая ему складками одежды возбуждаться дальше. Больше Алексей не боялся испугать торчком окружающих, но Оля-то всё поняла! Теперь Алёша реагировал на тепло её животика, и она ощущала его железобетонное возбуждение. Её глаза лучились радостью и пониманием своей роли. Звонарёв заметил, как участилось Олино дыхание. «Будь что будет!» – решил он. Ему совершенно не хотелось смущаться, стесняться и мямлить какие-то оправдания. «Пусть знает, как она влияет на меня!» – Алёша совсем успокоился и именно тогда решил, что роману быть! Он утолит эти ищущие, ждущие волшебства глаза страстью, пройдёт по дороге влюблённости столько, сколько Она позволит!

Девушка, поющая Moonlight Shadow Майка Олдфилда, понизила голос, и атмосфера в салоне сразу стала торжественной.

«Будь что будет», – Звонарёв повторил мысль из воспоминаний. «Шоссе пессимистов» всё-таки разогналось, но смотреть на среднюю скорость движения не хотелось. Это шоссе, как и многие в этом ненавистном Алексею городе, стоило переименовать в шоссе Сантехников. «Ну зачем же так злиться? Да, в СССР дороги проектировали не для водителей, а для удобства ремонтников. Ну и… что теперь-то изменишь? В конце концов, я уже выучил расположение самых глубоких люков и научился их объезжать. Ну, пугаю иногда водителей в соседнем ряду, ну и что? Ну да ну».

Метро «Авиамоторная». На встречной полосе стукнулись лбами две букашечки Hyundai Gets и Skoda Fabia. Столкновение несильное, хозяйки машинок суетились вокруг них в ожидании ДПС. «Интересно посмотреть, как в таких случаях между собой разбираются женщины? Но не сегодня». С моста перед светофором Лёша увидел длинную, уходящую за горизонт колонну горящих красным «стопов». «Всё! Сдаюсь!» Ушёл направо на Красноказарменную, звонко ударился обоими передними колёсами о трамвайные рельсы: «Ещё пару таких ударов – и колёса придётся балансировать». И принялся искать место, где бросить машину. В последнее время это удавалось всё реже. Но сегодня повезло.

Идя к метро, Звонарёв заранее вытащил книжку из сумки: в вагоне достать, может, и не получится. Встал в очередь за проездным. Читать не хотелось. «У неё ведь тоже букашечка. «Пыжик»». Звонарёв с удовольствием начал вспоминать, как познакомился с Олиной машиной. «Бывают же такие дни. Когда в память врезается каждая мелочь!»

В тот день он вышел на улицу, направляясь на рынок у Выхино с радостным весенним предвкушением чего-то весёлого и светлого. Его взгляд вдруг стал свежим, он как-то по-новому цеплялся за все мелкие детали, словно разыскивая что-то. Пьяная бомжиха валялась на тротуаре, ныла и качалась туда-сюда. Молодая бомжиха, с разбитой переносицей и в восточной яркосиней с серебряными узорами юбке до земли прошла навстречу по грязи. На дороге выставлялись товары: видеокассеты десятилетней давности, пустая бутылка из-под виски. «Тоже продаётся?» Поношенные детские колготы, шубы, обувь со стёртыми каблуками. Подшивка журнала «Юный художник» за 1984 год. «Я ещё тогда учился рисовать, но журнал этот не помню». Наконец, появились соленья, варенья, грибы. Это был ещё не рынок. У всех закутанных баб одинаково настороженный взгляд: «Менты? Где?» Те вальяжно вылезли из своей машины и теперь неспешно двигались сквозь толпу. «Ещё далеко».

Но готовность бабок в один момент всё свернуть в узел и смыться просто висела в воздухе. Заразившись ею, Звонарёв тоже оглянулся и в ряду припаркованных машин заметил красное пятнышко «Пежо», показавшееся знакомым. Про Ольгу Звонарёв в тот момент не подумал, прошёл в рынок.

Торговые ряды разделяла трещина на тротуаре, заполненная грязью. На прилавки смотреть было сложно – взгляд притягивал этот ров: «Как бы не вляпаться». Грязь жидкая, Звонарёв вспомнил, как боялся почувствовать её запах. Вспомнил голоса:

– Народ, я готова! Вы где?

В спину Алексею со смехом, уточняя:

– Готова! На всё!

Груда мяса на прилавке, с самой вершины упал сгусток рёбрышек с ценником. В грязь.

– Девушка, у вас мясо упало.

– Вот бессовестноё!

Смешная надпись на ценнике гласила: «Вичина».

Маленький, старый, весь сморщенный азербайджанец в колоритной кепке, плохо выбритый, с плохими зубами, тыкал вверх огромной тонкой морковкой – там в сетке застрял пакет с чьим-то мусором – прямо над его прилавком.

У выхода с рынка Звонарёв остановился, привычным жестом выкинул два-три гнилых помидора, так же привычно всунутых продавщицей, и, подняв глаза, снова заметил Её. Чей-то дремучего года выпуска «хач-мобиль» припарковался во втором ряду и запер «пыжик». Хозяина не было. Ольга беспомощно суетилась возле машин. Рядом кучковалась толпа восточных брюнетов разных возрастов. Одинаково беззвучно смеялись, поглядывали исподтишка: что дэлать-то будэт дэвушка? Наверняка хозяин запершей машины или здесь, или недалеко. Но помогать никто не спешил.

Алёша подошёл, поздоровался.

– Помоги, пожалуйста, – Олин взгляд был испуганным. – Я мужу уже позвонила, но он без машины – пока доедет…

«А к этим я боюсь обращаться», – не стала говорить она, но Звонарёв и так понял её растерянность.

Несколько раз он изо всех сил пнул «Жигули». Прохрюкала еле слышно сигнализация. Народ вокруг не отреагировал. Южане продолжали смеяться между собой, но не приближались. Звонарёв попробовал выковырять треугольник бокового стекла. Безрезультатно. Но приступ ярости прошёл. Подёргал подряд все ручки. Задняя дверь открылась. Из салона Звонарёв отпёр водительскую дверь, снял «Жигули» с «ручника», включил «нейтралку». Мощным рывком, упираясь плечом в стойку, просто выкатил машину на середину

дороги. А когда Ольга выбралась из капкана, таким же рывком закатил «Жигули» назад. Толпа зрителей уважительно притихла. И Звонарёв вдруг ощутил к ним даже что-то вроде симпатии, вместе с ними наблюдая, как Ольга уехала.

Следом пришла эсэмэска, хотя Алёша совершенно не помнил, когда давал ей свой номер. Эту эсэмэску он почему-то долго хранил в мобильнике, не удалял. Что-то было личное в задиристых Олиных буковках.

– Леша! Спасибо тебе большое! Тебе не идет эта шапка! Совсем…

– Почему?

– В куртке за 500 баксов носить этот задрипанный вязаный чепчик – фу!

– За 700… А по мне, нормальная шапка. Рекламные агенты у метро не пристают… Да и толпа пьяных подростков у подъезд а, когда я приближаюсь, расступается.

Весеннее солнце изо всех сил старалось согреть непослушную апрельскую Москву, и пронизывающий северный ветер весело гонял между домами прошлогоднюю пыль. Прохожие, потоком выплёскиваясь из метро, зябко поёживались, одинаково удивляясь такому несоответствию света и температуры… и запаха свежей краски, источавшегося с бордюров, оград – отовсюду.

Ольга на выходе из метро сразу заметила знакомую долговязую фигуру. Звонарёв, не обращая внимания на прохожих, читал книгу. «Моё!» – эта мысль импульсивно охватила Олю целиком. Сопротивляться ощущению эйфории не хотелось. Но и нагонять Алёшу она тоже не стала. «Интересно, он тогда заметил?»

Оля вспомнила, как однажды весной, зайдя к Алексею что-то подписать, она увидела в качестве обоев на рабочем столе его монитора свою любимую фотографию. Нет, не изображение её милой физиономии. Это был пейзаж. Точно такая же фотография стояла в рамке на столе Ольги, и она не без оснований считала себя автором. Присмотревшись, она уловила незаметные сходу отличия. Фотография была та и всё-таки не та. Стоял март, но зима игнорировала

календари. Москва была чёрно-белой от грязи, сырости и прогорклого снега на обочинах. Проезжая утром по Новогиреевской эстакаде, она вдруг увидала Чудо. Забыв о работе, она кинула машину на первом попавшемся свободном бордюре, который смог осилить её «пыжик», и, отыскав под сидением пылившийся с Нового года фотоаппарат, бегом понеслась к тому месту, где она видела его. Чудо. С высоты эстакады открывался вид на Кусковский парк. Местами таявший снег, голые чёрные деревья, дорожки – всё тонуло в белом мареве зимнего тумана. Ольга никогда не видела тумана зимой, и виденная ею картина требовала сравнения с мультфильмом. Опостылевшая, скучная в это время года, Москва вдруг обернулась прекрасной сказкой, фантастическим видением. Ольга коллекционировала разные пейзажи, но чтобы в городе? Москва словно пообещала Ольге волшебную весну этим невозможно красивым видом. И она понеслась на работу, ожидая следующего чудесного знака.

– Откуда у тебя это?

– Ехал однажды весной, щёлкнул на мобильник. Нравится? – Звонарёв даже не подозревал, как потряс Ольгу таким совпадением.

– Ага, а мне такие обои поможешь поставить? – Ольга попробовала развить ситуацию, прикидываясь идиоткой.

– Ну конечно! – Звонарёв с готовностью подскочил. Ольга заметила, что он бросил несколько разговоров по компьютеру неоконченными.

– Твоя фотка лучше! Фотик явно мощнее, – Звонарёв не мог не оценить качество её пейзажа.

– Мы что, соседи? – Ольга понимала, что восхититься одной картинкой они могли, только ездя по одному маршруту. Ответа она не слышала.

Звонарёв нагнулся к её затылку, уставившись из-за плеча в монитор, опёрся левой рукой о стол, а правой взялся за «мышь», словно обнимая Олю. Оказавшись в кольце его рук, она потеряла нить рассуждений. Мысли спутались. Его запах, его дыхание за ушком. В животике у Оли потеплело, пульс затрепетал, она умолкла и густо покраснела, догадываясь, что он заметил её состояние.

– Ну вот и всё! – Звонарёв, как ни в чём не бывало, улыбнулся и отправился к выходу. Ольга проводила его растерянным взглядом, жалея, что отпускает наваждение. У двери он обернулся и, поняв её взгляд, ласково кивнул…

Алексей, читая, остановился на светофоре, не желая подымать голову на его сигналы, просто ориентируясь на людей, стоявших рядом. Оле пришлось нагнать его.

– Приветик!

– Привет, – Звонарёв обернулся с улыбкой и подвинулся. – И долго ты любуешься моей попой?

Она заулыбалась ещё сильнее, теперь загадочно, но отвечать не стала:

– Похоже, мы оба прогуляли важное для нас совещание.

– А! – Лёша махнул рукой, словно стряхивая что-то невидимое (это был её жест). – Ну и пусть! А ты чего без машины?

Ольга сморщила носик:

– Это я пару недель назад выступила, стукнула. Давно уже без руля. На днях отдадут.

– ?

– Ехала у себя по двору, навстречу две или три машины, мужики. Остановились меня пропустить. Ну, я и разогналась. Чего ж хороших людей задерживать? А с другой стороны из-за угла ехали гаишники. Они решили, что это их пропускают. И тоже разогнались. В общем, встретились. Хорошо, что не сильно: подушки не сработали, и машинка на ходу осталась.

Звонарёв засмеялся.

– И кто виноват?

– Догадайся сам!

– Да, наверное, не бывает ДТП, чтобы за ментами вину признали. Ирку из бэк-офиса знаешь? Едет себе по МКАДу во втором ряду слева. Справа фура пылит. Из-за фуры в крайний левый ряд, Ирку не видя, перестраивается ментовская машина. С ускорением. Втыкается ей в жопу! Решение суда: Ирка виновата.

Они прошли мимо входа в банк и двинулись дальше по дорожке. Звонарёв счёл нужным это заметить:

– Гуляем ещё?

– Ага!

Они помолчали, явно наслаждаясь соседством.

– Я сегодня без машины. А кто-то как-то обещал мне устроить дегустацию? По белым винам. Как раз удобный момент! И ты вроде тоже не за рулём?

О том, что он на самом деле за рулём, просто не доехал до работы, Звонарёв не стал говорить:

– Конечно-конечно! – повторил он любимую Олину присказку. И они повернули назад к входу.

– Спишемся! – пообещал Звонарёв, поднимаясь на свой этаж.

Поздоровавшись с Наташкой, которая была не в духе, Звонарёв пробовал было разобрать бумаги на столе, ожидая, пока загрузятся все нужные ему приложения на обоих компьютерах (один он использовал только для торговли – второй для текущей работы). Его шариковая ручка неожиданно развинтилась, и пружинка упрыгала куда-то под стол. Кряхтя, словно жалуясь на свои габариты, Лёша полез под стол, протискиваясь между стулом и столом, как вдруг рывком провалился на пол. Стул, рикошетом оттолкнувшись от стены, заботливо зафиксировал Алёшу под столом. Вылезти он не мог, но звать на помощь Наташку постеснялся. Хорош начальничек. В этой позе его застал Карен,

вернувшийся с совещания. Карен был лысоватым крепышом среднего роста, начинающим седеть в висках, жизнерадостным и подвижным.

– Шеф, что вы там делаете? – Карен ёрничал, потому что в обычной жизни вопреки корпоративным стандартам, они между собой были на «ты». Он помог Алексею отодвинуть стул и доложил:

– Нам повезло, её сегодня утром не было. Перенесли комитет.

«Мы оба опоздали, – мысленно ответил Карену Звонарёв, но вслух ничего не сказал. – Ещё не хватало, чтобы жадный до сплетен, сплочённый коллектив решил, что мы вместе приходим на работу».

– Ну что там у нас? – обратился он к народу, открывая денежную позицию на утро: «Будут нас сегодня рвать «кредитчики» или получится поработать спокойно?»

2008 год, 20 октября, понедельник, утро.

Алексей сидел перед чёрным монитором и смотрел на свои усталые руки. Компьютер следовало включить. Он окинул взглядом книжные полки, таящие надежды на приятное и полезное времяпровождение. Полки почему-то были тёмными. Подходить к ним не хотелось. Всё-таки нажал на нужную кнопку, и монитор зажёгся голубым светом загрузки. А потом ему с экрана беззубо улыбнулся ребёнок. От этого настроение улучшилось, но ненадолго. Загружаемые приложения оказывались одно хуже другого. «Кризис». Кризис пришёл из-за океана, и Алёшиных мозгов предсказать его не хватило. Следуя своей схеме управления портфелями, он встретил беду большей частью в облигациях. «Всё делал правильно, но почему тогда всё так плохо?» – спросил он сам себя. Спина болела уже третий день. Наверное, он напрасно сбежал за город, чтобы побыть одному. «Вот я уже несколько лет счастливо женат, а по-прежнему боюсь показаться ей слабым».

2003 год, 21 апреля, понедельник, день.

– Алексей! Тут такое дело. Девочку мою одну не посмотришь себе в бэк-офис?

– На фига она мне? Пускай главбух смотрит. Бэк ей подчиняется.

– Она-то посмотрит, но будет лучше, если ты порекомендуешь, – Николай Николаевич, брюнет с седеющей бородой и вечно радостными глазами (этому моменту Алёша завидовал), смотрел на собеседника выжидающе. Всем своим видом он давал понять, что за Алексеем должок, потому что Ник-Ник помог его приятелю в аналогичной ситуации, но удерживал готовый сорваться упрёк на языке. Звонарёв это понял, заставил себя собраться и произнёс уже менее пренебрежительным тоном:

– Хорошо, посмотрю. А что за девочка?

– Она у меня платёжки по «помойкам» набивает. Два года уже. И засобиралась увольняться. Осточертело ей это занудное однообразие. А девушка хорошая, умненькая, – Николай Николаевич заговорил сбивчиво: – Я не могу её у себя правильно мотивировать. Можно зарплату повысить, но Кирюхин…. («…такая сволочь», – сказал он мысленно – так, чтобы Алексей его мысль услышал) повышает зарплату людям только тогда, когда повышается ответственность: за дополнительную нагрузку, за расширение фронта работ и т. д…

Окончание фразы Николая Николаевича грустно повисло в воздухе.

– Звериное рыло капитализма, – Звонарёв заступился за хозяина банка.

– Девочку выращивать нужно, – и, видя, что Алексей уже согласился с его рекомендацией, Николай Николаевич принялся разглагольствовать. – Деткам же помогать нужно. Когда-то нам помогал кто-то. Потом авось кто-то поможет и нашим деткам. Земля ведь круглая… и тесная… – его глаза лучились стариковскими морщинками, вопреки ещё не стариковскому возрасту Николая Николаича.

«А ведь он совсем не намного меня старше. Может, лет на пять. А борода седая», – подумал Звонарёв и спросил:

– Симпатичная?

– Уж молчал бы, – упрекнул Николай Николаевич.

– А зовут как? – Алексей пытался угадать, стоит ли за просьбой Ник-Ника личная симпатия к этой пока ещё неведомой девушке.

– Настей.

– И сколько ей лет?

– Ну, если её зовут Настей, сколько ей может быть лет?

Они оба засмеялись.

2003 год, 21 апреля, понедельник, вечер.

Вечером Звонарёв с Ольгой сидели в ресторане «На мельнице», дорогом и очень вкусном. Смаковали бутылку шабли под фаршированную рыбу.

– Ты живёшь как в болоте. Что по вечерам делаешь?

– Ничего. Книжки читаю.

– В Москве достопримечательностей полно.

– Ну, я сходил по разу в музеи.

– А дальше?

– Это ты такая продвинутая девушка. А мне-то что дальше?

– Ну, есть же всякие мужские клубы, например, – Оля смотрела на него со смешинкой. – фу! Что там можно найти интересного? Половую инфекцию?

– Хи-хи-хи. Это я так просто сказала. Не обижайся.

– Ага, на вшивость проверила.

– А окрестности? Я, например, купила путеводитель по Подмосковью. Катаемся, смотрим всякие симпатичные места. Здесь, оказывается, полно глухих старинных поместий. Заброшено, правда, всё. Вот под Красногорском есть усадьба Юсуповых. Можно вечером как-нибудь съездить.

– Если только за компанию…

– Поехали! Попросвящаю тебя. Чего тухнуть на диване?

Разговор строился как-то по-дурацки. Они обменивались короткими фразами, словно на работе на бегу. Всё же Лёше не хотелось опускаться до того, чтобы «на работе говорить о бабах, а с бабами – о работе». Ольгины глаза пуговками блестели в полутёмном зале.

«Она меня кадрит? – думал Звонарёв. – А совсем не производит впечатления девушки с проблемами».

Потом он решил, что, видимо, чего-то не понимает в ней. И перешёл на анекдоты. Его иногда прорезало на шутовство среди друзей, и это как-то не вязалось с солидностью банковского служащего.

После расставания Алексей испытал чувство неловкости. Ольга заметила это, хотя выпила больше половины бутылки и порядком захмелела. Но, ничего не сказав, прислала следом эсэмэску:

– все в порядке?

– надо было тебя поцеловать…

– просто ты нормальный…

Она не договорила сознательно. Последовала долгая пауза, и Ольга закончила вечер фразой:

– мне с тобой повезло…

Звонарёв ехал в метро домой и не мог сосредоточиться на чтении. Собственная неуклюжесть, её многозначительные эсэмэски – всё это выбивало из колеи. «У нас зреет романчик?» – сам себя спрашивал Алексей и сам же отвечал: «Да ерунда. Подумаешь, люди подсознательно нравятся друг другу. Вот я иногда хожу на бизнес-ланч обедать, встречает нас там девушка с меню. Мы тоже много месяцев друг другу нравимся, и оба это понимаем. Ну и что? Это же не повод для знакомства. Мало ли какие комбинации между людьми могут складываться. И Оля… тоже». Алексей задумался над уменьшительно-ласкательным вариантом именем своей подруги: «Ольга, Оля, Оленька, Олечка», – последний вариант ему понравился больше всего, и он вдруг задумался: «А как её называет в таких случаях муж? Да я, похоже, влюбляюсь, вот уже к мужу начинаю ревновать. Прикольно».

2003 год, 22 апреля, вторник, утро.

Наташка относилась к тому редкому типу женщин, которые плачут красиво. Тем более что шмыгающий нос никак не вязался с круглыми мячиками грудей, симпатично выглядывавшими из декольте. Звонарёв понял, что разыгрывать молчаливую деликатность будет неправильно:

– Что случилось?

– У Мишки… В саду…Только ему купила новые весенние вещи, – Наташка справилась и начала излагать связно: – У них в детском саду субботник был, всё выкрасили. Краска не высохла. Я как сегодня утром увидела, каким он вчера пришёл! Жуть! Всё испорчено. И куртка, и штаны! Один раз надел…

– Ну да… Малые же ещё бестолковые, не умеют вещи беречь, – хотя Наталья растила сына одна, её доходы не давали оснований жмотничать. Но этого Алёша говорить не стал: – Химчистка теперь!?

– Да дело даже не в деньгах! – за много лет совместной работы они уже научились читать мысли друг друга. – Просто жалко!

– Я понимаю.

– А химчистка может и не справиться!

– Да, такой вот субботник получился.

– В следующий раз в апреле, как про субботник узнаю, в сад его не поведу. Пока всё не высохнет.

– Но это же надо знать, какой краской они там красят? – Алексей понял, что Наташа выговорилась и пришла в себя, и направился к рабочему месту.

Пропиликал эсэмэской телефон.

– Ты сильно занят? Минут на тридцать ты мне очень-очень нужен!

– Ок, я могу освободиться. А что случилось?

– У меня совещание, очень важное. А я уже полчаса нарезаю круги вокруг офиса, не могу припарковаться. Помоги плз!

– А что нужно?

– Я заехала на тротуар и встала под «грибок» автобусной остановки. Посторожи, пожалуйста, «пыжик», чтоб никто ничего не сделал. Я прибегу с совещания – переставлюсь. Понимаю, что с моей стороны это свинство, но негде поставить машину. Негде!

– Бегу!

2003 год, 22 апреля, вторник, день.

Заседание «кредитного комитета», куда был приглашен Звонарёв и где должна было выступать со своими предложениями Карпова, началось после обеда и проходило нудно. Комитет назывался «кредитным» по старинке. Заседавшим уже не один год приходилось рассматривать самые разные вопросы, в том числе по деятельности казначейства: лимиты на контрагентов, лимиты на эмитентов,

лимиты на портфели и т. п. Так как оба заинтересованных лица, сладкая парочка «Ольга плюс Алексей», предыдущее заседание проигнорировали, в этот раз их вопрос поставили в самый конец. Очередной начальник кредитного управления, чьего имени Алексей ещё не запомнил (предыдущий попался на «откатах»), долго и заунывно зачитывал свои заключения по будущим заёмщикам, хотя читать их было необязательно – заключения были заранее розданы участникам вместе с остальными материалами. Первое время Алексея это бесило – он сердито переглядывался с Кареном, тоже приглашённым. Пару раз перечитал тезисы, которыми собирался остановить Ольгу. Поиграл с КПК, который использовал исключительно на таких совещаниях и исключительно для пасьянса. Надоело. Принялся нагло разглядывать Ольгу. Но та была на чём-то сосредоточена и глаза от своих бумаг не отрывала. «Волнуется? Я что, такой страшный?» Зачем-то измерил себе пульс. «Ого! Целых 48 ударов в минуту. Как у спящего. А если ещё сильнее расслабиться?» Звонарёв попробовал ощутить расслабление во всех своих членах сверху вниз. Ещё раз измерил. «46 ударов. Неинтересно». Чем бы ещё заняться? Принялся играть карандашом. Иногда Алексей предпочитал карандаш авторучке. Наигравшись, он вдруг взял карандаш правильно. Как его учили в детстве в художественной школе. «Ощутить благоговение перед чистым листом бумаги. Слиться с карандашом. Как с оружием. Продолжение руки. Лёгкость в пальцах. Чего бы нарисовать? Ольгу? Портрет потребует основательности. Шарж? Может обидеться». Её рука неподвижно лежала на бумаге. Быстрыми штрихами Алексей набросал сложенные в щепотку прозрачные тоненькие девчоночьи пальчики. Ольга заметила, похоже, заулыбалась, но Алёша не захотел с ней встречаться глазами. Тогда она сменила положение кистей рук, мешая ему. «Вредничает?» – Алексей растерялся. Отодвинул свой рисунок, чтобы ничьи сочувствующие взгляды не отвлекали. Сосредоточился и повторил кисть Олечки по памяти, вложив в щепотку её пальчиков детские пинеточки: «Типа отомстил». Следующие минут двадцать он шлифовал рисунок.

А потом она вышла к доске. Развернула наглядные материалы. «Готовилась, старалась». Что-то чертила, что-то говорила. Звонарёв знал, о чём. Он заранее окончил курсы по риск-менеджменту и догадывался о сути тех предложений, которые сейчас произносила Оля. «Или Олечка?» Он вдруг поймал себя на том, что просто слушает её голос, не вникая, о чём она говорит. Повернул голову и заставил себя смотреть и слушать. Сегодня она была в белом. И Алексей долго рассматривал тень между её ягодицами на белоснежной юбке. «Нет, я не слушаю». Ольга почувствовала его жадный взгляд и рефлекторно сомкнула за спиной руки, прикрывая попу. Алёша зафиксировал это забавное положение в своей памяти, и тут же принялся за новый рисунок. «Ольга Карпова: вид сзади».

Сидевший рядом Карен, видимо, тоже перестал слушать выступавшую девушку, сопереживая творчеству начальника. И тут она закончила. «Прикольно, мне же сейчас выступать». Ведущий заседание комитета Романенко осведомился, есть ли вопросы у остальных участников, и предоставил слово Алексею. И тот неожиданно для себя выдал следующий экспромт:

– Мы считаем, что сделанные Ольгой Викторовной предложения заслуживают безусловного внимания. И мы не намерены как-то сопротивляться тем реформам в риск-менеджменте, которые назрели в нашем банке и которые нам советует ЦБ, – Алексей сделал паузу. – Мы в течение недели со своей стороны подготовим предложения, очень надеемся, что наши предложения будут конструктивными. Мы не обещаем, что согласимся тупо скопировать западные стандарты и позволим блокировать нашу работу. Но что-то обязательно предложим. И поспорим ещё.

Эта речь оказалась неожиданной для членов кредитного комитета. Они всё заседание ждали горячего спора, а тут Звонарёв практически сдавался и ещё давал какие-то обещания. Карпова сама выглядела растерянной. Она вышла первой, пока остальные собирали свои бумаги. Кирюхин захихикал:

– А ты педагог….

А зам главного бухгалтера Марья Андреевна, заметив, какими глазами Алексей проводил Ольгу, уже скрывшуюся за дверью в потоке выходивших, протяжно заметила:

– Как тут у вас всё запущено.

Звонарёв молча улыбнулся ей в ответ и тоже вышел.

На рабочем месте его уже ждал е-мэйл от Ольги:

– Объясни.

– Потом.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

– Потом. Я сейчас Карена потушу.

Карен бушевал у Алексея за спиной. Игнорируя субординацию, он матерно ругался, призывая Наташку в союзники. Их двоих не устраивала лёгкая сдача позиций.

– Отстань, а, – бросил ему Алексей через плечо. – Напишу свои контрпредложения, потом их обсудим.

– Он меня ненавидит?

– Кто? Карен? Не бери в голову.

– Но вправду поговорим потом?

– Поговорим. На работе – о бабах, с бабами – о работе.

– Хи-хи, – Ольга не пользовалась смайликами.

Пару часов Алёша был сильно занят, и Ольга Викторовна сочла нужным о себе напомнить:

– ?

На самом деле Алексей ни о чём не забыл, просто перетасовывал невысказанные на комитете тезисы.

– Итак, внимай. Резюмирую в двух словах твое выступление. Risk-metrics разработана инвестбанком JP Morgan, для работы с рыночными активами используется value-at-risk или VaR. Мы анализируем исторические ряды для каждого инструмента и определяем с заданной вероятностью, какой максимальный убыток может принести данный актив, если его включить в портфель. Таким образом, весь портфель банка оценивается с точки зрения риска.

Мои замечания.

Ты когда-нибудь слышала о понятии «толстых концов», сорри, «толстых хвостов»?

– Толстые концы звучит интереснее. Ну, слышала, но вникнуть было некогда.

– А зря. В основе работы с вероятностью фори-неры закладывают обычную кривую Гаусса. Но дело в том, что в реальной жизни хвосты этой кривой не плоские, а загибающиеся к верху. Толстые. Говоря по-человечески, катастрофические убытки, игнорируемые концепцией VaR, в реальной жизни гораздо более вероятны, чем допускаются теорией вероятности. Отсюда толстые концы и первые жертвы. Слышала, что наш дефолт 1998 года похоронил фонд высоколобых нобелевских лауреатов LCTM? Их модели считали риск такого события мизерным, а катастрофа случилась на третий год жизни фонда. И привет! У меня книжка есть про них.

– Дашь почитать?

– Дам. Замечание второе. Концепция VaR здорово работает для микрокризисов. Проблемы конкретного эмитента, трудности конкретного инвестора. В единичном масштабе риск действительно калькулируется. Но не забывай, что еще одним допущением модели является ликвидность. Т. е. исследуя временные ряды, мы измеряем максимальные изменения цены на актив за заданный период. Например, мы считаем, что иностранную валюту можно продать мгновенно, сбросить портфель «голубых фишек» можно за сутки, а вот портфель векселей будем реализовывать целую неделю. Ликвидность у инструментов разная. Но, когда происходит глобальный кризис, ликвидность рынков пропадает. Иногда совсем. Слышала о термине «бегство за качеством»? Т. е. во время паники содержимое нашего портфеля окажется никому не нужно, ни по какой цене. И продать те же ОФЗ забубенного года погашения просто не получится. Что бы там не считала по этому поводу VaR. На фига нам тогда спрашивается такой риск-менеджмент?

И еще несколько политических замечаний.

Посмотри, как этот риск-менеджмент вводит Центробанк. На уровне советов. Наш регулятор сам не до конца понял, что к чему, и просто транслирует нам

«базельские рекомендации». Бухучет не разработан.

Вот, по-хорошему, обсчитаем мы VaKом содержимое своего банковского портфеля (закрыв глаза на все неточности). И что дальше? По-хорошему, нужно будет заранее создать резервы на покрытие возможных потерь от переоценки портфеля. И на каком счете создавать их? Инструкция ЦБ есть? И что будет с достаточностью нашего капитала?

Упадет! И что скажет налоговая? «Ах, прибыль уменьшаете, чтобы налог не платить. Им-то плевать на риск-менеджмент.

И еще. Наш рынок неразвит. Помнишь 1998?

Все банки сидели в ГКО. Кто-то больше, кто-то меньше. Просчитать риск того, что с государством что-то случится, было можно, но не торговать ГКО было нельзя. Не хватало инструментов объективно. И всех накрыло. И что с тех пор изменилось? Наши портфели переполнены тем же Газпромом и векселями Сбера, которые 1998 пережили без дефолта. Просчитать их риск VaRoM бессмысленно, нам придется уменьшать доли этих эмитентов в портфеле, а заменить чем? Значит, будет принято политическое решение проигнорировать твои рекомендации для Сбербанка и Газпрома. Класс! И потом. Наверняка, у тех же форинеров уже есть более современные разработки.

– Убил! Хочется забиться в уголок, накрыть голову простынкой и КУ! За лекцию спасибо.

– Не за что. Но ой!

– Что ой?

– Как представлю тебя сидящей в уголКУ, хочется приподнять простынКУ и… КУ!

– А что же такое КУ? Такие фантазии рождаются.

– Хи-хи-хи, а ты гурман.

– Ага.

– А про другое?

– Что другое?

– Я про другое просила объяснить.

– Не понял?

– Про рисование моих пальцев.

– Ну, это из детства еще. Рисовать меня как-то учили.

– Бросил?

– Да.

– А чего?

– Да ну! Этим же денег не заработаешь. Если для себя только. Некогда, да и лень.

– И зря!

– Просто мой покойный дед меня учил: каждое дело нужно делать хорошо. Когда я про рисование думаю, понимаю, что если за это браться, то только, чтобы нарисовать шедевр. А откуда шедевру взяться?

– Неправ.

– Говори.

Ольга долго молчала.

– Я как-то читала книжку популярную про древние цивилизации. Вот представь: пройдут тысячи лет, десятки тысяч, сотни тысяч. Языки забудутся, литература,

на них написанная, исчезнет. Вкусы изменятся, и музыка выйдет из моды. Здания обветшают и обрушатся. Не останется ничего, кроме живописи – не знаю, может, неправильно говорю. Но вот мы видим наскальные рисунки первобытных охотников на стене в пещере. Мы даже представить не можем, кто их нарисовал. 400 тысяч лет назад! Но чувство прекрасного соединяет нас: потомков и тех неведомых предков Мы восхищаемся гибкостью линий так же, как восхищались они. Века пронеслись над этой пещерой, а красота осталась. Понимаешь?

– Да. Красиво излагаешь!

– Не дразнись. Это я цитирую. Может, у тебя есть дар, а ты его хоронишь. Даже не попробовал.

– В жизни открыто много дверей, но никогда не бывает так, чтобы, зайдя в одну из них, ты не захлопнул остальные.

– Красиво излагаешь!

– Это я цитирую. Ремарка.

Помолчали. Эта переписка увлекла его настолько, что работать Звонарёв вообще перестал, переложив всё на плечи подчинённых. Те решили, что он трудится в канве прошедшего заседания, и не отвлекали. И Алексей решил сделать следующий шаг:

– Я подумал. Твои пальчики я нарисовал не случайно. Если я решусь взяться за кисть, то буду рисовать тебя. Согласишься позировать?

– Это будет что-то неприличное?

– Фу, какая ты пошлая! Сразу думаешь о неприличном.

– Сам такой.

– Ну, если серьезно, я еще подумаю. Мне нравятся неожиданные ракурсы с твоим участием.

– Не ври. Скажи честно, что взял карандаш из скуки.

Последнюю реплику Алёша оставил без ответа. Пусть девушка помучится над «загадочными ракурсами».

– Я врубился! – в голосе Карена бурлила радость. – Сейчас начнётся сезон отпусков, и до сентября никаких реформ с рисками не будет!

– May be[18 - May be (англ.) – может быть.], – Алексей как раз торговался с одним немецким банком из «пипса» в цене евро-свопа и не мог сразу переключиться назад на русский[19 - «Пипс» – четвертый знак после запятой в курсе иностранной валюты (международный сленг).].

2003 год, 22 апреля, вторник, вечер.

Вечер Алексей провёл с Ольгой. «Второе свидание», – шутливо думал он. Парк вокруг старинной усадьбы, ставшей санаторием, был прекрасным, и они не спеша брели по аллеям.

– Я вот смотрю, как ты активна в светской жизни. Как только муж всё это терпит? Я бы такого темперамента не выдержал.

– А он и не выдерживает. Дома сидит.

– Скучает?

– Нет, он у меня продвинутый. Всегда находит себе дома занятие.

– И как он относится к тому, что ты то там, то здесь?

– Я говорю, дай нагуляться, пока можно, а то потом детки пойдут – и всё… Когда нас вместе видят знакомые, все страшно удивляются. Я при нём такая шёлковая жена, смирная, послушная. Никто не верит, что я такой могу быть. Просто он сильнее меня. По-настоящему сильнее.

– И откуда ты такая?

– А ты замечал, что с возрастом годы летят всё быстрее и быстрее?

– Да, особенно наши родители на это жалуются.

– А почему? Потому что у них ничего не происходит. Сидят на своей пенсии и тупо ждут смерти. А жизнь нужно наполнять событиями. Тогда и время будет тянуться медленно и насыщенно. Вот я и наполняю. Наполняю свою жизнь событиями.

– Анекдот про стрекозу и муравья знаешь?

– Не-а, расскажи.

– Так вот. Однажды муравей тащил огромную грязную соломинку и встретил разодетую стрекозу. Он спросил её: «Ты куда собралась?» «Да вот на фестиваль в Канны…». «А-а», – протянул муравей и продолжил работу. Уже весной он увидел её снова, когда ворочал огромную маслянистую гайку. Стрекоза была в прекрасной форме. Он спросил её: «И куда же ты сейчас?» «Да вот, друг, в Лос-Анджелес, на премьеру…» Он продолжал мрачно работать. Как-то летом, ковыряясь в огромной куче песка, он опять увидел стрекозу. Она в прозрачных одеяниях парила над всеми. «Ты куда теперь?» – спросил, тяжело вздохнув, муравей. «В Париж, в Париж…» «В Париж? – грустно посмотрел на неё муравей и добавил: – Будешь в Париже, встретишь Лафонтена, передай ему, что он мудак». Отсмеявшись, Ольга поняла, что ему не хочется говорить о её муже, и сменила тему.

– Как тебе эта усадьба?

– Симпатичная.

– Говорят, Юсуповы были богаче царя.

– В Питере их дворец – самый красивый в плане интерьеров. Была?

– Нет.

– Туда не попадешь просто так, только с экскурсией. Но он того стоит.

– В Москве у них тоже был особняк. Где-то на «Красных воротах».

– У меня с «Красных ворот» тоже фотка есть, покажу потом.

– Что там?

– Старинное здание глазной больницы, осень, и обрубки старых чёрных деревьев как пальцы торчат в небо на жёлтом фоне…

– А говорил, что ненавидишь Москву.

– Это меня тошнит от пробок, – голос Алексея зазвенел раздражением.

– Как сказал кто-то из знакомых, у Москвы отрицательная энергетика. Она высасывает нашу энергию своими расстояниями. Но ты тут живёшь. И даже вроде копишь на квартиру?

– Чем больше коплю, тем больше убеждаюсь, что накопить не успеваю. Недвижимость дорожает быстрее. И с каждым годом всё сильнее сомневаюсь, на фига мне квартира в Москве? Если купишь в центре, жить без форточки с вечно включённым кондиционером – жуть. Покупать на зелёной окраине, трафик замучит.

– Ты у нас вообще… сомневающийся.

– Я только с тобой ни в чём никогда не сомневаюсь. Это дар?

Оля замолчала, наслаждаясь этим глубокомысленным комплиментом, а Алёша задумался над своими словами. Что бы он ни делал с Ольгой, она заражала его уверенностью в себе. Любое дело, даже самое пустяковое, она словно окрашивала своим присутствием, превращала во что-то лёгкое. Они оба молчали, идя по дорожке рядом, но не под руку. Он думал о ней, она о нём.

«Наверное, я в неё влюбляюсь. Или уже влюбился. Стоит ли с ней поделиться своим замыслом? Наверняка, она чувствует, как меня распирает».

«У Алёшеньки аура скалы, двигающейся скалы. С ним почему-то чувствуешь надёжность. Наверное, поэтому на нём и держится вся команда казначейства. С Лёшей пропадает бестолковая суетливость в подчинённых. А меня почему-то подчинённые ненавидят. Ну и пусть!»

И она заговорила об этом:

– Их всё-таки раздражает, что я позволяю себе уходить первой и приходить на работу последней. А сама их деру.

– А почему ты так? Я вот мягкий начальник. И так задротства в банке хватает. Ещё мне людям нервы трепать? Зачем?

– Ну, они ж у тебя за деньги работают. А мои мне потом благодарны будут. Это я по предыдущей работе знаю. Сейчас им тяжело, ругаются про себя и за моей спиной. Зато они растут как специалисты. Мой отдел всегда – кузница кадров. И резюме у них потом симпатичные получаются.

– Вот как. И не жалко, когда уходят?

– Нет. Чисто по-человечески я понимаю, что на одном месте нельзя долго сидеть. Паутиной начинаешь зарастать. Это всех касается. И не только на работе.

– Наверное, ты права, – и Алексей вспомнил диалог, который стал поводом для этой прогулки по тенистым аллеям.

– Стой, – он огляделся и потянул её за руку в траву с аллеи.

– Что такое?

– Вот сюда! – он подвёл девушку к поваленному стволу и, придерживая за руку, помог подняться на него обеими ногами. Ольга выглядела озадаченной, но подчинилась. Алексей редко проявлял какую-либо инициативу с ней, и стоило выяснить, что ему вдруг понадобилось? Не мешкая, он сжал ладонями её

плечики, решительно притянул к себе Олечку и крепко поцеловал её в пухлые губы. У Ольги перехватило дыхание, она не успела никак отреагировать на такой шаг, но голова сладко закружилась от прикосновения его влажного языка, и она ответила на поцелуй…

Засмеявшись, спрыгнула с бревна, и её озорные глазки задорно блеснули на Алексея «снизу сбоку». Потом они долго молчали, шли по аллее, и он старался заглянуть в её лицо, ожидая оценки своему поступку, как школьник. «Исправил свою прошлую нерешительность?» Но девушка загадочно игнорировала его поступок, продолжала щебетать о чём попало.

– Пока? – они остановились около своих машин.

– Ну, как-нибудь можно ещё куда-то съездить, – её взгляд казался пристальнее, чем обычно.

Алексей удерживал Олю за руку и молчал.

– Например, можно поехать покупаться. Как вода потеплеет.

– Да, я люблю тёплую воду.

– А у тебя горячую воду уже отключили?

– Скоро должны.

– И у нас тоже.

– Да, после купания в московских водоемах хочется тщательно помыться.

– Ну, придумаем что-нибудь.

– Многозначительно звучит.

– Ага. Пока!

– Да, пока!!

– В следующий раз я её… – включив двигатель, вслух сказал сам себе Алексей, запнувшись на выборе подходящего глагола. Пошлить не хотелось. – Обязательно!

Он задумался, вспомнил её ждущие глаза. «Нет, так нельзя останавливаться – не простит ведь». Его немного помучили угрызения совести. «Всё-таки у меня же есть Света. Правда, ведёт себя как последняя дура, но я же не собираюсь ей этим мстить. Разок – всё!» – Лёша уговорил сам себя, и сладкое предвкушение Олиного тела охватило его. Впереди идущая машина показала буквы КУ на своем номерном знаке: «Интересно, в её понимании КУ – это что?»

Глава 2

2003 год, 22 мая, четверг, день. Месяц спустя.

Ольга любовалась Алексеем через весь зал. Тот не видел её, уставившись в компьютер. Иногда он начинал шевелить губами, стесняясь материться вслух. «И с чего это я взялась развивать в нём творческое начало? Тоже мне – утончённый ценитель прекрасного. В нём богемности – ни капли». Ольга присмотрелась. Черты лица Звонарёва как-то неуловимо вытянулись, словно у волка, вынюхавшего добычу. «Сейчас бросится», – мелькнуло у неё в голове, и точно, Алексей что-то быстро щёлкнул пальцами по клавиатуре и откинулся на спинку офисного стула с видом победителя. «Хищник, сейчас он зверь», – Ольга шевельнулась, ожидая, что он заметит её среди множества сотрудников. Карповой захотелось увидеть, как преобразится и смягчится его лицо. Как заискрятся чувством глаза, вытесняя агрессивность. Но Алексей ничего не заметил, а снова наклонился к монитору и быстро-быстро замолотил пальцами по клавиатуре. «Ладно. Пошла я, – приказала сама себе Ольга. – Ему сейчас мешать не стоит. А то разочаруюсь». Ольга снова обернулась и снова убедилась, что вид Алексея нисколько не изменился. Она опять увидела в нём хищного зверя и внезапно вообразила на себе приятную тяжесть его сильного крупного тела. От этого фантомного ощущения ей вдруг стало приятно, и она простила ему невнимательность: «А ведь я им таким горжусь!»

2003 год, 22 мая, четверг, вечер.

Полураздетая Ольга замерла наедине со своими мыслями, уставившись в окно на Москву. На оставшуюся за спиной кровать она старалась не смотреть. Алексей шумно мыл ванну. Она понимала, что интрижка, зародившаяся как лёгкий флирт, скорее, просто, чтобы поднять настроение, вот-вот превратится в сексуальное приключение. «Необратимое ли?» Карпова признавалась сама себе, что уже давно была готова изменить Стасу. В глубине души. Она вспомнила, как раздражали её ставшие за десять лет пресными отношения, отсутствие возбуждения во время редкого секса со скучным мужем. «Но это же просто самооправдание, – сказала Оля сама себе. – Тебе хочется этого приключения. С другим мужчиной.

В конце концов, Стас ни о чём не узнает». Ей уже случалось несколько лет назад ему изменять, и всё обходилось. Правда, та пара измен не доставила никакого удовольствия и вообще не тронула душу ничем ярким. С Алексеем всё должно быть по-другому. Ольга это предчувствовала, но не могла никак объяснить свои ощущения. Звонарёв был другой. Стас покорял жену своей силой, а Алексей? Чем? «Но он же меня любит! – Ольгины мысли вернулись к мужу.

– Немного неуклюже, но любит. Меня!» Её охватило чувство вины. «Может, на фиг? Лёша поймёт. Он, похоже, сам никогда не изменял жене. Зачем я его затянула сюда? Тихонько одеться и сбежать!» Ольга услышала за спиной шаги Алексея. Её охватило волнение, как перед экзаменом. Она вдруг засомневалась в своих чарах. Оля так и не решилась обнажить свою маленькую грудь и оставалась в лифчике. Она знала, что её спину портили несколько плохо заживших язвочек, оставшихся с подросткового периода. «Да и попа не самая красивая, когда я не на каблуках». Ни колготки, ни трусики она тоже не успела снять, предавшись своим сомнениям. «Вот сама Лёшу дразнила за неуверенность, а сейчас трушу. Чего он медлит?» Девушка встрепенулась, поняв, что Алексей почему-то не приближается к ней. «Любуется мной?» Начиная раздеваться, она гадала, каким будет его первое прикосновение?

И!

Всё оказалось неожиданным.

Алексей произнёс, медленно смакуя, каждое слово:

– Олечка… Я… Тебя… Люблю… – и поцеловал её сзади в изгиб, где шея переходит в плечо. Поцелуй был неспешным, нежным, успокаивающим. Но возбуждение хлынуло вниз тёплой волной, трусики намокли, и Ольга расправила плечи, подаваясь назад, словно требуя прикосновения его рук. Алексей поцеловал её ещё раз, теперь в затылок, не прекращая ласки языком там, где растут особенно вкусные беззащитные волосики, расстегнул застёжку лифчика, и тут же поймал обе груди огромными ладонями в нежный плен. Ольгины мысли замедлились в сладком тумане – она забыла о своих страхах и сомнениях, просто подставляла Алёше всё новые и новые места под поцелуи, не помня про свою послерабочую немытость. Но Алексей уже забыл о том, что готовил ванну. Наоборот, запах её тела, лишённый оттенков мыла и шампуня, возбуждал в нём что-то звериное и неукротимое! «Как она пахнет!» – подумал он, вдруг ощутив, что кое-кому надоела долгая прелюдия и тот рвётся на волю.

– Пусик! – позвала его Оля, с трудом удерживаясь на ногах.

– Идём, – он подхватил её на руки и понёс в ванну: «Ну, раз я пусик, будешь пусечкой».

Дверной проём оказался узок для обоих, и Оля, воспользовавшись заминкой, по-быстрому стащила с себя колготки вместе с трусиками, скомкала их так, чтобы он не разглядел, насколько она его хочет!

Зажмурившись от яркого света в ванной, девушка юркнула в воду, снова застеснялась и открыла глаза, только когда Алёша стал садиться у неё в ногах. Возбуждение его она чувствовала ещё в комнате, но смотреть на него боялась. И вот теперь, когда Лёшины бёдра оказались под её раздвинутыми бёдрами, Ольга скользнула в горячую воду, стараясь уйти поглубже плечами, и обхватила его кулачками. Ощущение внезапной мощи сбило Оле дыхание: она впервые встретилась с Алексеем глазами, чтобы тут же слиться в страстном обжигающем поцелуе. Нирвана горячей ванны разливала эротическое возбуждение по всему Ольгиному телу, и прикосновение его холодной груди к сосочкам (Алексей не смог поместиться в ванне целиком) стало приятным контрастом, усилившим эффект. Лаская друг друга, они включили воду струйкой, чтобы не давать ванне остывать. Алексей увлёкся игрой, и Ольга, распарившись, первая вспомнила, что поводом снять номер в «Шератоне» было мытьё! Она встала, а Алёша остался сидеть в ванне. Сияющими от восторга глазами он любовался, как

отвернувшаяся из ложной скромности девушка намыливает своё блестящее тело. Не выдержал, начал помогать ей снизу, не вставая. А доставал он далеко! И Ольга наслаждалась его ладошками на своих бёдрах, между ними, на попе. Его шустрыми нежными пальцами везде-везде. Её качало от возбуждения, когда Алексей выбрался из воды, завернул её, как маленькую девочку, в огромное белое полотенце.

И, подхватив под попу обеими руками, прижался лицом к её груди. Отнёс на кровать. Не дал выпутаться из влажного полотенца, зарылся колючим подбородком между её ног. Ольга попробовала не даться этой ласке: ей было зябко.

У Олечки малые половые губки торчали ушками. Обычно, прикрывая «пусечку», они складывались подобно лепесткам коричневой розы. Чтобы проникнуть внутрь, эти лепесточки следовало расправить. Это было слишком очевидно и слишком просто для Алёши. Слипшиеся губки словно сторожили что-то сокровенное, что было в Оле. Поэтому Алексей прикоснулся язычком к самой сладкой и жгучей точечке над «пусечкой», каким-то волшебным образом сразу угадав её. Ольга не успела оценить этот момент, её тело уступило страсти. Она полностью расслабилась, отдаваясь удовольствию целиком. Никаких мыслей в голове не осталось. Губки обильно смочились «пусечкиным» соком, Алексей не видел, а скорее угадал это, когда деликатно раздвинул их язычком, пробуя девушку на вкус. Дальше он импровизировал. Олечка находилась полностью под его контролем, он играл язычком, как играют на музыкальном инструменте. Периодически он отрывался от заветного бугорочка, чтобы лизнуть мокрую дырочку чуть ниже. Такие паузы ещё сильнее заводили Алёшу. Вдруг он обнаружил, что Ольга перестала приближаться к оргазму. Звонарёв протянул вперёд свои длинные руки, поймал пальцами оба сосочка и крепко сжал их. Удовольствие настигло Ольгу рывком, сделав оргазм необратимым. Тот обрушился на неё томной волной, девушка сбросила руки Алексея и, зарывшись руками в волосы Алексея, благодарно стиснула его голову своими бёдрами, замирая и останавливая льющееся через край удовольствие. Алексей подался чуть ниже и снова слизал последнюю, самую обильную порцию сока. Этому глубокому проникновению его языка девушка уже не сопротивлялась.

Алексеево вожделение они передержали. Видимо, тому просто надоело ждать, когда его окунут вслед за языком вглубь «пусечки». И сейчас он торчал чуть вперёд, а не строго вверх, как поначалу. Ольга поняла этот момент и растерялась. Алёша заметил её растерянность. «Ну вот, а Олечка оказалась

совсем неопытной, и что делать дальше – не знает». Он помедлил пару мгновений, принимая решение. Она чуть подалась назад, чтобы сесть, опираясь на подушку спиной. В этот момент Алексей запрыгнул на кровать, упал на колени, разведя их так, чтобы Олино тело оказалось между его бёдер, и, угадав положение, мягким толчком проник в её приоткрытый от удивления рот. Некоторое время Лёша медлил, наслаждаясь ощущением мокрого нежного теплого рта, ожидая реакцию от самого себя. И почувствовав, что шевельнулся, мягко задвигался вглубь. Оля действительно ничего не умела, но эта поза не оставляла ей никакой выбора, кроме как сделать губы упругой буквой «о». Его возбуждение передалось ей так, что голова, начавшая было проясняться после куни-оргазма, снова затуманилась. Кроме обрывков подростковых фантазий об изнасиловании, никаких мыслей не осталось. Алексей двигался и рычал как зверь. Карпова никогда не видела его таким. Ольга оторвала глаза от его лохматого, пахнущего страстью лобка и посмотрела вверх. Его благородный подбородок жёстко очерчивался на фоне белого потолка, и она невольно залюбовалась этим подбородком. Это отвлекло Олю от собственных ощущений чужой упругой горячей плоти на языке, и она пропустила момент, когда следующая волна возбуждения, передавшись ей от Алексея, накрыла её. Ольга застонала – тихо, беспомощно и страстно, чем завела Алёшу ещё сильнее. Через несколько секунд он вдруг остановился, а ритмичные движения сменились сильными толчками: в нёбо, в горло, на язык и вокруг него – рот наполнился – и Ольга вдруг поняла, что получила удовольствие вместе с ним ещё раз, и страстно проглотила всё, что собралось у неё во рту.

Без сил он рухнул рядом на кровать, сияя улыбкой:

– Оля! Оленька! Олечка! Мне нравится называть тебя Олечкой! Слышишь, Олечка? Люблю тебя!

Теперь его слова не звучали ритуально. Вместо ответа Ольга прижалась щекой к его плечу, скрывая счастье в своих глазах. О муже она ни разу не вспомнила, оказавшись в сладком плену страсти.

Алексей, обняв её рукой, играл её короткими волосами. А она наслаждалась ощущением, какая её голова миниатюрная в его огромной ладони:

– Балдю от тебя.

Никогда раньше она не практиковала феллацию ни с кем, и дебют в исполнении Алексея оказался сенсацией. Оля стеснялась своей неопытности, понимая, что Алёша разгадал её. Через некоторое время она скользнула по его животу вниз:

– Можно?

– Да, – его сил хватило только на шёпот.

Лёжа щекой чуть ниже его пупка, Олечка взяла в рот опавшего целиком и принялась нежно посасывать, словно леденец. Ей хотелось наладить диалог с этим чудом, понять, что ему нравится? И сейчас, пока Алексей приходил в себя, – для этого было лучшее время. Не спеша она исследовала языком каждую его точечку, внимательно прислушиваясь к реакции Алексея. Наконец, нащупав особо чувствительную у основания головки, девушка почувствовала, как заискрилось мужское возбуждение, наливаясь упругой силой. Ей нравилось управлять Алексеем. Какое-то необычное ощущение власти над ним заворожило Ольгу. Низ живота сладко отзывался на то, как пульсировала головка во рту. Наконец, он перестал играть её волосами. Оля услышала шелест рвущейся упаковки и поняла, что продолжение будет! Не спрашивая Алёшу ни о чём, Ольга встала в «догги-стайл» попкой к нему, изящно выгнув спинку. И принялась ждать проникновения. Какая-то шальная мысль мелькнула в голове девушки: «Теперь я так часто буду замирать, ожидая, пока в меня войдёт любимый мужчина». Мысль тут же исчезла, но потом Ольга часто вспоминала момент, когда она впервые назвала Алексея любимым. Алёша аккуратно пристроился сзади и сильным толчком проник по самое «не могу». Удовольствие лучом пронзило Олю, и она застонала. Алексей начал медленно, наслаждаясь каждым глубоким движением. Но постепенно его движения стали чаще и короче, удовольствие Олечки стало чуть-чуть иным, а оргазм приблизился. Она вспомнила, как этот «лучик» стал большим перед тем, как взорваться у неё во рту, и тут же ощутила, как он запульсировал теперь у неё внутри. Но ещё продолжал двигаться, и Ольга финишировала на мгновение позже Лёши.

2008 год, 20 октября, понедельник, утро.

Ольга открыла холодильник и тяжело вздохнула. «Зефир и томатный сок – их он покупает успешно, остальное – никак». Видимо, муж не дошёл до холодильника с йогуртами и купил йогуртеров, напичканных синтетикой настолько, что их

можно было хранить месяц. Стоять в очереди на фасовку свежих овощей ему было лень, поэтому он купил готовую упаковку помидоров. Разодрав целлофан, Ольга убедилась, что «попки» у всех помидоров уже подгнили. «Огурцы он вообще забыл купить, короче, в магазин придётся идти самой». Его непутёвость сегодня не раздражала Олю, эти досадные недоразумения она старалась воспринимать с иронией, тем более что супруг сам не упускал случая подколоть её. Но смеяться ей сегодня почему-то не хотелось. Откуда-то из глубины сознания возникала тревога, и Ольга понимала, что в этот раз причиной было не её «бабское самонакручпванпе». «Например, вчера он забыл дорогу в детский сад – заблудился в районе, и Димка опоздал на завтрак. Что-то с ним не то».

2003 год, 23 мая, пятница, утро.

Ольга пребывала в смятении после вечера, проведённого с Алёшей. Стас уже спал, и она юркнула под одеяло с облегчением. Оля опасалась, что не сможет скрыть своего возбуждённого состояния и чувства отчуждения, которое непременно возникнет. Проснулась она задолго до будильника, снова в возбуждении. Сердце гулко колотилось в груди, мешая спать. В голове роились фантазии на тему Алексея. Получить его эсэмэску по дороге домой было особенно приятно. «Помнит!» – наивно обрадовалась Ольга, но ответила уже с работы.

– Привет! Как ты?

– Главбухша сказала, что нельзя приходить на работу с таким счастливым лицом, а мои добрые подчиненные предложили мне съесть лимон.

– Неужели так заметно? Обязательно зайду заглянуть в твои глазки.

– Не надо.

– Почему?

– Все догадаются.

– Тогда буду изводить тебя эротическими эсэмэсками.

– Маленькая вредина. Хорошо, приходи.

Работа валилась из рук, Ольга никак не могла сосредоточиться. Всюду ей мерещился Его запах, во рту она чувствовала Его вкус, несмотря на все зубные пасты, жвачки и кофе. Ей страшно захотелось снова ощутить губами томную тяжесть Алёши.

И, когда он пришёл по какому-то рабочему вопросу, бодрый и уверенный, Карпова подняла сияющие глаза на его стройную фигуру, затянутую в белую рубашку, увидела его глаза, ощутила запах его одеколона. Она поняла, что теряет контроль над собой. Потупив взгляд на ширинку под ремнём, Ольга представила, как становится на коленки, чтобы расстегнуть её и извлечь оттуда своё сокровище. И… Она усилием воли отогнала наваждение, стесняясь того, что сосочки под блузкой встали торчком. «Боже, как он вчера играл моей грудью», – радовалась она тому, что Звонарёв наконец уходит и никто, и он в том числе, не заметил её состояния.

2003 год, 26 мая, понедельник, утро.

Какая-та девушка посмотрела на своё отражение в тёмном стекле вагонной двери с сосредоточенно серьёзным видом и одёрнула юбку. Этим она ещё больше привлекла к себе внимание окружающих. Алексей встретился взглядом с каким-то мужиком – они совершенно одинаково рассматривали её попку, и эта одинаковость заставила их улыбнуться друг другу. А мужик оказался колоритным. Во-первых, он был в шортах, в застиранной футболке и шлёпанцах. Во-вторых, к вороту футболки за дужку были подвешены солнечные очки евро за сто. Под мышкой мужик держал портфель из натуральной кожи долларов за триста, а на запястье золотились тоненькие швейцарские часы тысяч за шесть долларов. Недавно Ольга озадачилась Алёшиным внешним видом, и он ещё не забыл цен на возможные будущие обновки. Затрапезная одежда и так контрастировала с дорогими аксессуарами, но третьим элементом, противоречившим обеим этим противоположностям, была книжка, которую читал незнакомец. Звонарёв разглядел на обложке: «Гиршман. Литературное произведение. Теория художественной целостности», – и уже не мог сдержать улыбку: «Прикольный мужик. Надо будет Ольге рассказать. Интересно, он кто? Новый русский на пенсии? Которому уже всё равно, как выглядеть в глазах окружающих, главное – его собственный комфорт. Жарко же. И метро, оно ж вонючее. А дорогие цацки остались от прошлой жизни, когда ему приходилось

торчать на совещаниях и производить впечатление на партнёров во время деловых встреч. Как мне сейчас. Но точно – не писатель. Писатели столько не зарабатывают. И вряд ли студент. А что? Человек живет в своё удовольствие. Никуда не спешит. Читает умные книжки. Развивается. Я тоже так хочу! Вот такую драную майку. И чтобы всё пофиг было. Только чтобы море было рядом. Хотя… – мысль Алексея замедлилась. – Море долго… надоест. Да. Вот это – моё!» Алексею вдруг стало легче, словно он принял какое-то важное, но ещё не осознанное до конца решение, не успевшее стать целью. «Mamba number five», – Алексей вспомнил клип чёрнокожего певца, недавно ставший популярным. «Хочу! – в его голове проснулся портретист. – Из него коллаж хороший получится, особенно с ушами-лопухами».

Ольга не находила себе места все выходные. Поначалу она тщательно скрывала от Стаса перемену в себе, забываясь в домашней текучке. Строго по графику уступила его субботнему желанию близости, понимая, что мечтает об Алексее. К концу воскресенья она сумела взять себя в руки. Начавшиеся месячные оттеснили эротические переживания. Оля осознала, что лёгкое сексуальное приключение не стало кульминацией флирта с коллегой по работе, а наоборот зацепило её душу столь сильно, что она ощутила себя в самом начале пути. «Ну что ж, привыкай быть любовницей!» – жёстко сказала она себе и успокоилась. Это отношение жёсткости к своему «я» Карпова сохранила, придя на работу в понедельник. Оно же помогло войти в ритм тех дел, которые она забросила. Ольга решила не напоминать Алёше о себе, но обстоятельства не позволили. Уже в 10.30 она писала Алексею гневную эсэмэску, стоя чучелом посреди собственного кабинета:

«Вызови, пожалуйста, Карена на рабочее место. Прямо сейчас и как можно скорее!»

Мобильник Карена зазвонил, когда тот «распускал перья» перед Олиными подчинёнными, разглагольствуя о чём-то забавном. Девушки поощряли его монолог хихиканьем.

– Ок. Вызвал, а в чем дело?

– Потом скажу.

– А все-таки? – Алексей проявлял настойчивость, относя Олину сдержанность на свой счёт.

– Не пожалеешь?

– Говори!

– Я протекла. Стою, как дура, посреди комнаты, на кровь наступила, в туалет пора бежать. А этот хмырь и в ус не дует – никак его не выпроводим.

– Гы-гы-гы.

– Смешно тебе… А как ты угадал, что мне до месячных 3 дня?

– По вкусу…

Оля улыбнулась его ответу и весь день старалась уклоняться от случайных встреч с Алексеем и переписки с ним. Так ей было легче сохранять голову трезвой.

К вечеру она не выдержала:

– Можно я тебя завтра провожу? С работы хотя бы.

– Ну конечно, можно, – его воодушевление просто сочилось с экрана компьютера.

Алексей был искренне доволен собой. Великолепный секс с Ольгой казался ему достойной кульминацией их отношений. Его полностью устраивало их общение на работе и вне работы. Олечка была чудесным собеседником, а её влияние на него было волшебным. «Интересно, смог бы я с ней просто дружить?» – спрашивал сам себя Алексей и так же сам себе отвечал: «Я, безусловно, смог бы. Она сейчас действительно мой самый лучший друг. Хотя я, наверное, вру. Я всё-таки не могу с ней быть полностью откровенным в личном. А вот она со мной просто так дружить не согласилась бы», – почему-то решил за неё Алексей. Этот взгляд показался ему сомнительным, и он принялся отыскивать обоснование:

«Общепринятое мнение – мужчины и женщины просто так дружить не умеют. Всё рано или поздно должно закончиться постелью. Не уверен, что эта точка зрения правильная. Одинаковых людей не бывает». Алёше нравилось считать себя неодинаковым.

О других думать не хотелось, а вот об Олечке думать было приятно: «Если бы этого вечера не было, она могла бы на меня обидеться. Хожу, дразню её, даже целую. И всё без продолжения? Могла почувствовать себя отвергнутой, неудовлетворённой. Мало ли чего. А так ведь здорово получилось!» – Алёша вспомнил её тело. «Девчонка – супер! Выглядел бы веником перед ней, мягким и безынициативным. А так вроде нормально. Интересно, я врал, когда говорил, что люблю её?» – Алексей снова принялся тестировать самого себя на искренность. «Ну… что влюблён – это точно. Значит, говорил правду. Да и она бы почувствовала фальшь своим проницательным женским сердцем. Хотя и мозги у неё тоже дай Бог каждому мужику!» – он вспомнил несколько её оригинальных решений, но о работе думать не хотелось. Алексей с удовольствием заметил себе, что в постели выглядел опытнее Олечки, и задумался, а она была ли искренна с ним? Никакого ответа на этот вопрос он не нашёл: «Мне как раз проницательности не хватает. Очень хочется заглянуть в её прекрасные серые глазки как-нибудь наедине, – и тут же прервал сам себя испуганно: – А продолжение? Она захочет продолжения?» Он рассмеялся над своим страхом, вспомнив анекдот про женское слово, которого боятся все мужчины: «Ещё!» Народ вокруг начал оборачиваться, пытаясь понять причину веселья начальника, и Алексей решил было поделиться этим анекдотом. Но всё-таки оставил его при себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Что означает задница в окне? – в маршрутке нет мест!» (анекдот).

2

«Медвежья» игра – игра на понижение курса акций, «бычья» – наоборот, на повышение.

3

Desk – стол, направление, участок работы (банк, сленг).

4

Форекс – forex (англ. сокр.) – международный валютный рынок.

5

Волатильность – изменчивость, признак, характеризующий подвижность какого-либо рыночного актива.

6

Маржинальный счет – счет, позволяющий торговать с «с плечом», т. е. использовать кредит, предоставляемый брокером. Здесь – «Альфа-банком».

7

Стоп-лосс – приказ брокеру закрыть позицию при достижении некой цены с целью остановить убытки.

8

ЦБ – Центральный банк.

9

CEO (англ.) – глава исполнительного органа.

10

Back-office (англ.) – отдел оформления сделок, в противовес фронт-офису, где эти сделки заключаются, обычно отличается от бухгалтерии, которая отражает сделки проводками в балансе.

11

Здесь и далее вся переписка выделяется курсивом с сохранением правописания оригиналов.

12

Риск-менеджмент – система управления рисками, ликвидность – признак, характеризующий легкость, с которой актив может быть продан на рынке.

13

МБК – межбанковский кредит (сокр.).

14

«Пирамида» (финанс.) – здесь имеется в виду схема, когда вы покупаете долгосрочную ценную бумагу, закладываете её, например, банку-партнёру, который в обмен на бумагу предоставляет вам краткосрочное, более дешёвое финансирование. Финансирование меньше стоимости заложенной бумаги на размер дисконта. Это – «этаж». На полученные ресурсы можно купить ещё облигаций, снова заложить и снова получить краткосрочное финансирование за минусом дисконта. Ещё «этаж». Таких этажей может быть от трёх до десяти, в зависимости от вашей любви к риску. Изюминка схемы в том, что вы реально, отвлекая из своего оборота денежные средства размером с дисконт, зарабатываете разницу между доходностью и финансированием всего актива.

15

«Репо» – продажа ценной бумаги с обязательством обратного выкупа через установленный срок, где разница в цене между продажей и обратным выкупом составляет стоимость предоставляемого в обмен на бумагу финансирования.

16

Здесь буквальный перевод с английского термина cash-flow.

17

«Своп» – то же, что и «репо», только вместо ценной бумаги используется иностранная валюта.

18

May be (англ.) – может быть.

19

«Пипс» – четвертый знак после запятой в курсе иностранной валюты (международный сленг).

Купить: https://tellnovel.com/ru/afantov_andrey/satir-i-muza

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить